

СОКРОВИЩЕ ТАМПЛИЕРОВ

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

Геннадий Левицкий

**Сокровище тамплиеров.
Мечта конкистадора**

«Автор»

2019

Левицкий Г. М.

Сокровище тамплиеров. Мечта конкистадора / Г. М. Левицкий —
«Автор», 2019

ISBN 978-5-4484-0635-5

В этой книге представлено два романа известного писателя-историка Геннадия Левицкого. Роман «Сокровище тамплиеров» рассказывает о событиях XII века, когда сбылась мечта христиан всего мира. Первый крестовый поход закончился отвоеванием Святой земли, и теперь, оказавшись в Палестине, люди Запада с воодушевлением ищут вещи, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, ведь эти святыни обладают особой силой. Животворящий Крест принес рыцарям победы во многих битвах. Копье, пронзившее Иисуса, спасло от гибели Антиохию и армию крестоносцев, а затем в руках тамплиеров оказывается хитон Иисуса. Роман «Мечта конкистадора» переносит читателя в более позднюю эпоху — эпоху покорения Америки. После гибели ордена тамплиеров оставшиеся в живых рыцари ордена, по-прежнему хранящие хитон Спасителя, бегут в неведомые земли, о которых неизвестно Западу. Но вот Колумб случайно открывает новую часть света, жажда золота приводит туда воинственных испанцев, рушатся империи ацтеков, инков. Зло затопило Новый Свет, и теперь потомок тамплиеров вынужден спасти святую реликвию.

ISBN 978-5-4484-0635-5

© Левицкий Г. М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

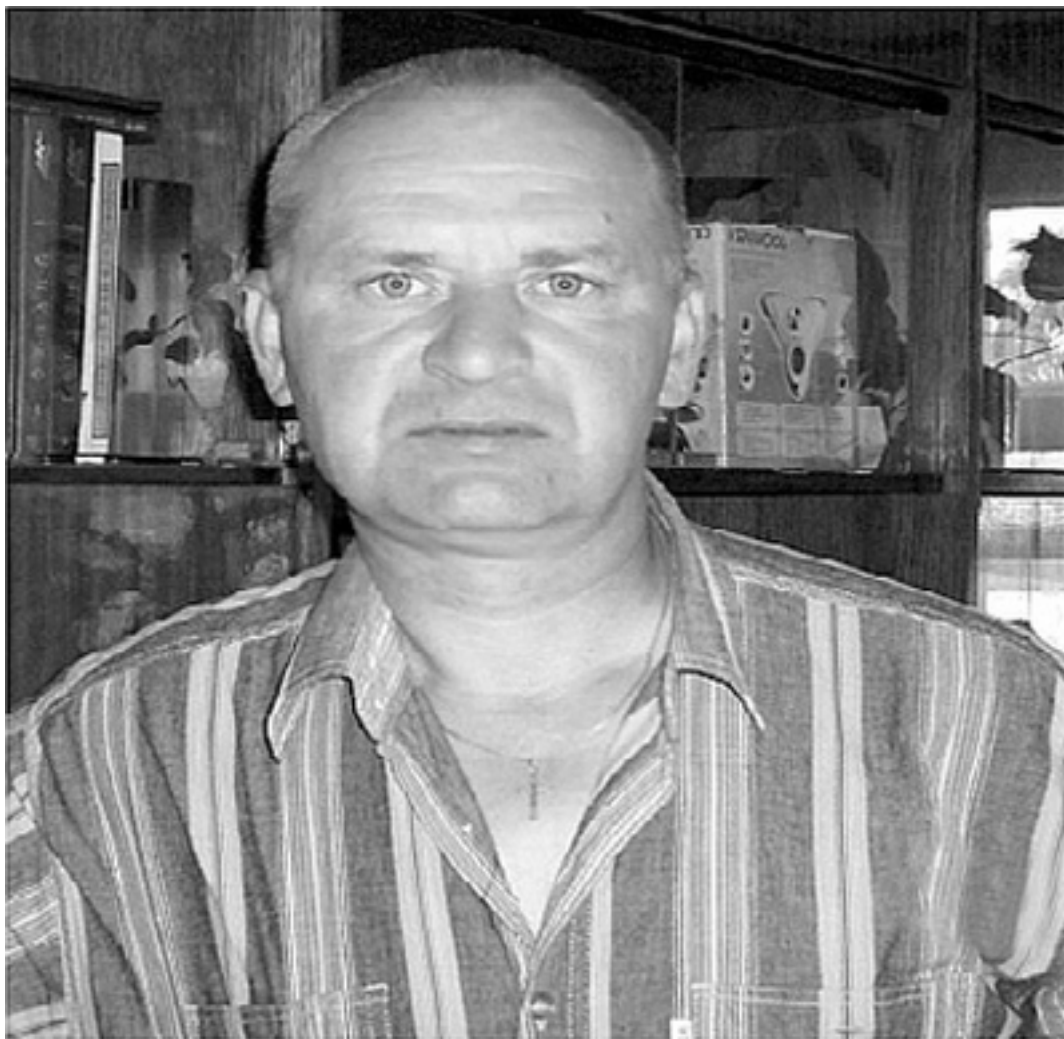
Об авторе	5
Сокровище тамплиеров	7
От автора	7
Святая земля	9
Мечты... мечты...	13
Паломничество Петра Пустынника	17
Рожденный в Иерусалимском храме	20
Плохое предчувствие хранителя хитона	24
Дар, которому нет цены	27
Письмо царя Соломона	32
Монах из несуществующего монастыря	35
Путь пилигримов	39
На родине апостола Павла	44
Золотой дождь над «Нищими рыцарями Христа»	50
Жених для принцессы Мелисенды	56
Неудачный свадебный подарок	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Геннадий Михайлович Левицкий

Сокровище тамплиеров

Сборник

Об авторе

Геннадий Михайлович Левицкий

Геннадий Михайлович Левицкий родился 13 декабря 1963 года в Белоруссии. Видимо, план по рождаемости в тот год выполнили, и в метрике поставили другую дату рождения: 1 января 1964 года. Такое уж было время: все жили по плану. И почему появление человека на свет должно быть исключением?

В 1982-1984 годах служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии) механиком-водителем танка Т-80. Через два года поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Дипломную работу защитил по теме «Включение западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского» с оценкой «отлично» и в 1992 году получил диплом историка.

Решив начать свой бизнес, занялся пчеловодством – пасеку в четыре десятка пчелосемей держит до сих пор, несмотря на то что в жизни и творчестве меняются интересы и предпочтения.

Львиную долю свободного времени Геннадий Левицкий посвящает истории – мудрости тысячелетий. «Изучение ее незамысловатых сюжетов, – считает писатель, – помогает избежать многих ошибок современности, поскольку желания, мысли и стремления человека существенно не изменились на всем его пути от каменного века до века компьютерного».

Свои основные предпочтения Геннадий отдает Риму – здесь, по собственному признанию писателя, его увлекает всё: «История Рима переполнена необыкновенными событиями, блистательными победами и колоссальными поражениями; любопытны биографические сведения римских граждан, взрастивших небольшой городок в Лации до статуса мировой державы; интересны его государственное устройство и военное дело – и в них исключительно римские особенности, которые дали право государству считаться долгожителем в беспокойном мире».

Древним Римом отнюдь не исчерпываются пристрастия Левицкого. Предметом его интересов периодически становятся отколовшаяся половина Римской империи – Византия и Великое княжество Литовское, Македония и Россия... Есть одно хорошее правило: хочешь изучить вопрос – напиши книгу. И автор с профессионализмом историка и азартом увлеченного человека досконально анализирует все доступные источники, прежде чем закрытый вопрос превратится в литературное произведение.

Жизненное кредо Геннадия Левицкого – кормить должно любимое дело; не стоит выполнять работу, к которой не лежит душа, – даже заработанные большие деньги не принесут морального удовлетворения.

В своих произведениях автор часто обращается к библейским сюжетам, но любит повторять одну современную притчу:

«Одного миллионера, из тех, кто нажил состояние своим трудом, а не получил по наследству и не выиграл в популярную лотерею, как-то спросили: „Сколько часов в сутки вы работаете?“ – „Да что вы?! – воскликнул тот. – Я в своей жизни не работал и часа. Я занимался любимым делом“».

В 2009 году московское издательство «Энас» выпустило первую книгу Геннадия Левицкого – «В плену страстей. Женщины в истории Рима». Она состоит из биографических очерков самых ярких представительниц слабого пола, что пришли к нам сквозь толщу тысячелетий со страниц манускриптов.

С тех пор ежегодно одна-две рукописи обретают бумажную жизнь в российских издательствах «Энас», «Феникс», «Ломоносов», «Вече».

Избранная библиография Геннадия Левицкого:

- «В плену страстей. Женщины в истории Рима» (2009)
- «Рим и Карфаген. Мир тесен для двоих» (2009)
- «Александр Македонский. Гениальный каприз судьбы» (2010)
- «Гай Юлий Цезарь. Злом обретенное бессмертие» (2010)
- «Самые богатые люди Древнего мира» (2011)
- «Марк Красс» (2012)
- «Ягайло – князь Литовский» (2013)
- «Великое княжество Литовское» (2014)
- «Византийский путь России» (2016)
- «Юлий Цезарь: между войной и любовью» (2016)

Сокровище тамплиеров

Роман

От автора

Эпоха Крестовых походов неизменно вызывает внутренний трепет у тех, кто соприкасается с этой темой. Грандиозное мероприятие, приведшее в движение всю Европу, поставило великую цель, – как казалось участникам и организаторам походов, а также всему христианскому миру. А закончилась эпопея пролитием рек крови, испорченными отношениями между мусульманским и христианским миром. Увы! Недалеко от истины выражение: благими намерениями вымощена дорога в ад.

Хотя... Европа была обречена на предприятие, по масштабам сопоставимое с крестовыми походами. Периодически возникающая перенаселенность Запада грозила взрывом страшной силы. Позже будет открыт американский континент, и лишние люди Старого Света устремятся туда; затем они будут осваивать Австралию, колонизировать Африку и Азию, а когда осваивать ничего не останется, в Европе разразятся две грандиозные мировые войны.

Накануне великого людского потока в Палестину, Европа походила на сжатую до предела пружину, здесь переплелось все, что мешало жить ей спокойно: лишние руки и головы, огромные амбиции, жажда власти, золота или просто куска хлеба – в общем, много потребностей, желаний, много лишней энергии. И тратилась она не просто нерационально, но катастрофически опасно. А еще множество людей, имея перед глазами несправедливость грешного мира, желали обрести спасение, их тянуло к святым местам – туда, где проповедовал Иисус, где Он провел последние Свои земные дни и часы.

Мы можем осуждать крестовые походы с высоты сегодняшнего дня, но мир накануне известного собора в Клермоне, судя по отзывам хронистов, находился на самом краю, и событие, равноценное грандиозному движению Запада на Восток, было просто необходимо.

«Но не только на Востоке верные страдали от нечестивых, но и на Западе... – рассказывает Вильгельм Тирский, – вера ослабла среди тех, которые называли себя верными, и страх господень уничтожился; в судах не было правды; правосудие уступило место насилию, которое одно господствовало среди народов. Обман, хитрость, коварство утвердились повсюду; всякая добродетель исчезла и казалась излишнею: до того все было проникнуто злобою. Казалось, мир приближается к своей кончине и настает второе пришествие Сына Человеческого. Любовь к ближнему погасла у большей части людей; на земле не было веры; все перевернулось в общем беспорядке, и можно было думать, что мир возвращается к древнему хаосу. Самые могущественные государи, обязанные управлять подданными путями мира, забывали обязательства мира и враждовали по ничтожному поводу, предавая пламени целые страны, производя грабежи и жертвуя имуществом бедных жадности своих клеветов».

Сходную ситуацию мы находим и в «Иерусалимской истории» из-под пера французского хрониста и участника первого крестового похода Фульхерия Шартрского:

«Видя, как вера христианская безгранично попирается всеми – и духовенством, и мирянами, как владетельные князья беспрестанно воюют меж собой, то одни, то другие – в раздорах друг с другом, миром повсюду пренебрегают, блага земли расхищаются, многие несправедливо содержатся закованными в плену, их бросают в ужаснейшие подземелья, вынуждая выкупать себя за непомерную плату либо подвергая там тройным пыткам, то есть голоду, жажде, холоду, и они погибают в безвестности; видя,

как предаются насильственному поруганию святыни, повергаются в огонь монастыри и села, не щадя никого из смертных, насмеваются над всем божеским и человеческим; услышав также, что внутренние области Романии захвачены у христиан турками и подвергаются опасным и опустошительным нападениям, папа, побужденный благочестием и любовью и действуя по мановению Божьему, перевалил через горы и с помощью соответствующим образом назначенных легатов распорядился созывать собор в Оверни, в Клермоне – так называется этот город, где собрались триста десять епископов и аббатов, опираясь на свои посохи...»

В теме крестовых походов особое место занимает орден тамплиеров. Он во многом был первым: в предприимчивости, богатстве, храбрости, но главное, что привлекает к нему интерес людей последующих поколений – трагическая и непонятная гибель. Легенд, связанных с этим орденом, предостаточно. Сегодня появляются все новые и новые версии якобы разгаданных секретов тамплиеров, но они только добавляют тумана к событиям, скрытым во мраке времен.

В романе мы не будем утомлять тамплиеров традиционными поисками Грааля, философского камня; впрочем, и без этих фантастических вещей хватает тайн у воинов, бесконечно преданных делу защиты Святой земли. Богатство, ставшее причиной зависти и гибели могущественного ордена, не дает покоя многим поколениям кладоискателей. Увы! Мы не сможем совершенно не заметить того, что «Нищие рыцари», как они себя называли с момента рождения, стали обладать существенными материальными ценностями. Мы попробуем найти более реальные источники обогащения рыцарей Храма, которые, по иронии судьбы, при вступлении в орден давали обет бедности. Тем не менее книга будет не о злате и серебре, хранимом в сундуках храмовников, и сокровище их совсем не то, о котором мечтали кладоискатели.

Эта книга о миллионах людей, искренне уверовавших, что путь с Запада на Восток – есть кратчайшая дорога в Царствие Небесное. Они искренне верили, что поступают правильно, и не нам их судить; как не может быть нам известно, кто удостоился милости Божьей, а кто ушел во тьму вечную. Мы лишь попытаемся рассказать о том героическом и трагическом времени, об участниках событий, пришедших к нам из древних хроник, а недостающими звеньями в бедной исторической цепи станут наши предположения.

Главным героем нашего повествования будет французский рыцарь, основавший в Иерусалиме монашеско-рыцарский орден с богатой историей и жестоким концом.

Первый магистр ордена Храма – Гуго де Пейн – появился на Святой земле в 1118 г. (а может, в 1119 г.) во главе отряда из восьми обнищавших рыцарей. Скончался он то ли в 1136, то ли в 1137 г. (Что интересно: доподлинно неизвестно, в каком году он умер, но день его смерти – 24 мая – тамплиеры отмечали ежегодно.) Между двумя расплывчатыми датами также немного сохранилось сведений об организаторе одной из самых известных в мировой истории организаций. Он ушел неизвестно в каком году и каким образом, но оставил свое детище могущественным и влиятельным. Нам известно лишь несколько событий из долгой жизни загадочного рыцаря из Шампани и, соответственно, писатель получает огромный простор для авторской фантазии. Впрочем, этой вольностью мы злоупотреблять не будем и между авторским вымыслом попытаемся окунуться в реальную жизнь Палестины между Первым и Вторым крестовыми походами.

Святая земля

По усыпанной камнями песчаной земле на коленях передвигался человек. Аккуратно подстриженная борода и усы говорили, что он следит за своим внешним видом, а уважительное отношение к нему со стороны товарищей убедительно свидетельствовало, что сей мужчина был для них старшим и скорее всего являлся образцом для подражания. Но то, чем сейчас занимался этот, с виду правильный и обязательный человек, вступало в противоречие с его внешним видом и первым впечатлением.

Накинутый на него плащ из простого сукна тянулся полами по земле, меняя при этом свой цвет, но человек был слишком увлечен, чтобы заботиться о чистоте его. На спине белого одеяния издали был виден красный крест. Несколько человек в черных плащах с капюшонами здесь же воодушевленно рылись в земле. Делали они это весьма бережно и неторопливо. Аккуратно лопатами снимали пласт земли вместе с растительностью и откладывали в сторону. Затем углублялись примерно на два локтя и, если ничего не радовало их глаз, закапывали ямку в обратном порядке. Земля утрамбовывалась ногами до тех пор, пока вся извлеченная масса не оказывалась на прежнем месте. Последним водружался пласт дерна, и холм оставался в первозданном виде – как будто на нем не производилось никаких действий.

Чуть поодаль копошившихся в земле людей стояли воины, положив ладони на рукояти мечей. Плащи с одинаковыми крестами выдавали в них некую общность. Они внимательно следили за окрестностями, лишь изредка бросая косой взгляд на землекопов. Но когда радостные крики возвещали о находке, вместе со всеми воины бежали утолить свое любопытство.

Находки складывались на разостланном плаще. Их собралось довольно много: медные и серебряные монеты различных государств, наконечники стрел, предметы домашней утвари и кусочки металла непонятно от каких вещей и, следовательно, неизвестного назначения.

За работой людей с крестами на плащах наблюдала толпа местных жителей и пилигримов. Одни уходили, другие приходили, но толпа оставалась. Иногда зрители плотно обступали людей в черном, что служило изрядной помехой для работающих.

– Отойдите назад, прошу вас, – периодически требовал человек в плаще, который изначально имел белый цвет, но теперь его полы стали сероватыми. Несмотря на эту неприятность, окружающие относились к нему с уважением. – Мы обязательно покажем вам все находки, – обещал он.

По всему видно, этот немолодой человек, с почти детским восторгом просеивающий землю у подножия Голгофы, был главным среди копошащихся франков. Иудеи и арабы не понимали его речи и продолжали теснить монахов. Тогда в дело вступали люди в белых плащах и с мечами. Они вежливо, но настойчиво отодвигали зевак на почтенное расстояние.

Позади толпы стоял пожилой иудей и с интересом наблюдал за происходящим. Мужественное загорелое лицо ничем не отличалось от остальных окружавших землекопов лиц. Вот только глаза у него были необыкновенные. Умные, проницательные, грустные – они были голубыми. Этот цвет, присущий северным народам, никак не вязался с окружавшими песками и жарким солнцем. Владелец необыкновенных глаз испытывал некоторое неудобство. Ему приходилось постоянно щуриться, чтобы уберечь зрение от яркого южного света, оттого вокруг глаз высыпало множество морщин, хотя этот пассивный наблюдатель не был древним стариком.

Он равнодушно взирал на то, как извлекались из земли мелкие монетки. Вдруг один из монахов достал из ямы наконечник копья. Его передавали из рук в руки с выражениями искреннего восторга:

– Это не наше оружие.

– У мусульман копья совсем другие, наконечники гораздо короче.

– Его сильно разрушило время, хотя хранился металл в сухом песке, – проронил участвовавший в раскопках мужчина в белом (местами) плаще с крестом. – Возможно, ему не менее тысячи лет.

Сторонний наблюдатель приблизился к воину, который в свою очередь завладел полуразрушенной находкой и с трогательной осторожностью вертел в руках.

– Это римское копье, – произнес голубоглазый иудей на родном языке монахов, участвовавших в раскопках.

– Возможно, то самое, что нанесло рану Спасителю, – с волнением промолвил старший, не удивившись даже, что иудей свободно изъясняется на языке франков.

– Едва ли, – выразил сомнение иудей. – Центурион, нанесший ему рану, не оставил оружие. Он унес копье с собой.

– Ты прав, скорее всего, – с сожалением согласился старший. – А может, и нет...

– Ты найдешь немало таких наконечников, если продолжишь поиски. Тысячу лет назад – вскоре после казни Спасителя – здесь разразилась самая жуткая на земле война: римские легионы сражались с восставшими иудеями. Все пространство нынешнего Иерусалима было покрыто изломанным о живую плоть железом, человеческими телами и кровью. До сих пор в некоторых местах почва красная от напитавшей ее крови. А римскими копьями и мечами у нас играют дети из бедных семей, которые не могут позволить себе настоящие игрушки.

– Можешь ли ты сказать что-нибудь о прочих наших находках?

– Это наконечники мусульманских стрел, а вот этот остался от ромеев Константинополя... В свое время и они освобождали Гроб Господень. Вот эта мелкая истертая монетка – римская тетрадрахма. Ведь тебя более всего интересуют вещи из этого времени? – догадался незнакомец. – А вот эта железка тоже от римлян – называется солеа. Это своеобразная обувь для лошади, чтобы не изнашивались копыта – вместо подковы.

– Это именно то место, которое использовалось для казни приговоренных к распятию? – хотел уточнить крестоносец и добавил, оправдываясь: – Я недавно в Палестине, и впервые пришел на этот холм.

– Да. Именно здесь был распят Иисус Христос, – подтвердил необычайно осведомленный иудей. – Эта груда камней была ранее часовней, которая называлась Кальвариум, в центре ее и стоял Крест Спасителя. Часовню разрушили персы пятьсот лет назад. Сто лет назад она была восстановлена и вновь подверглась разрушению по приказу халифа Хакима.

– Теперь мы ее отстроим, и наша церковь стоять будет столько, сколько будет существовать этот мир, – пообещал франк.

На землю опускались сумерки. Продолжать исследование холма не представлялось возможным. Но крестоносец не собирался оставлять навсегда свою затею.

– Жан и Гюи, – обратился он к слугам, – вы остаетесь охранять место, где найден наконечник копья. Завтра мы сюда вернемся.

Они пришли к холму завтра – как обещали. Здесь уже прогуливался вчерашний иудей, прекрасно изъяснявшийся на языке франков, но теперь он переговаривался с единоплеменниками на их наречии.

Вместе со всеми копал землю и главный среди странных монахов – странных, потому что с оружием. Он неизменно прибегал к помощи голубоглазого еврея, как только из земли извлекалась находка непонятного назначения. Гость и местный житель, объединенные одинаковой страстью вскоре беседовали как старые знакомые, вместе работали, вызывая изумление окружающих.

К исходу второго дня общения человек с красным крестом на плаще, наконец, решил, что пора бы познакомиться. (Более всего он не хотел потерять столь ценного знатока событий тысячелетней давности.) При расставании он слегка склонил голову и представился:

– Гуго де Пейн.

– Понтий, – в ответ произнес иудей.

Слово это заставило вздрогнуть крестоносца.

– Странное имя. Его носил тот, что осудил Господа. У нас так никого не называют.

– В Иерусалиме, кажется, я один лишь его ношу, – признался иудей. – Но почему тебя удивило имя? Разве Господь не простил прокуратору Иудеи его прегрешенья?

– Простил... – нехотя согласился крестоносец. Все же надо было время, чтобы привыкнуть к имени нового знакомого. – Разве меня одного удивило твое имя?

– Собственно, так меня звали только в семье. До недавнего времени я жил в Риме и там иногда называл себя Павлом, чтобы не смущать собеседников. А в Иерусалиме немногим до тебя доводилось представляться.

– Если ты не против, буду звать тебя Павлом, – предложил франк, который всерьез стал опасаться за жизнь нужного собеседника со странным именем. – Так мы избегнем постороннего любопытства, которое нам ни к чему.

– Я бы согласился несколько лет назад, но теперь мне слишком нравится имя, данное при рождении, – неожиданно возразил иудей. – Ведь я прожил жизнь, и глупо бояться на склоне лет, что имя может кому-то не понравиться. Но если ты случайно оговоришься и назовешь меня Павлом, то нисколько этим не обидишь.

– Что привело тебя в Иерусалим? На воина, пришедшего освобождать Гроб Господень, ты не похож... – Франк желал знать о Понтии-Павле все. Он подозревал, что с именем собеседника связано нечто необычное, но неудобно пытаться выудить чужую тайну. Гуго де Пейн мыслил, что человек сам должен открыться, если посчитает нужным.

– Мой отец... Он пожелал быть погребенным в Иерусалиме, как только узнал, что город находится во власти тех, кто верует в Иисуса. В пути нас ограбили, в общем, дорога была необычайно трудна. Мы достигли Святой земли, но отец умер вскоре после того, как добрался до места, на котором мы сейчас стоим.

– Так вот почему глаза твои грустны... – сочувственно произнес Гуго де Пейн.

– Для меня тяжелая утрата, – признался Понтий. – Утешает то, что мечта отца исполнилась и он умер счастливым человеком.

– И что же ты собираешься делать дальше? Вернешься в Италию? – продолжал задавать вопросы Гуго де Пейн, удивляя самого себя. Ведь он никогда не считал себя любопытным человеком. Тем более, он не имел интереса к чужим жизням, ибо своя была насыщена удивительными событиями.

– Нет. Как и отец, я надеюсь быть погребен в Иерусалиме – слишком многое связывает нашу семью с этими местами.

Хотя говорил Понтий с печалью в голосе, крестоносец обрадовался, что он никуда не исчезнет и еще будет возможность пообщаться с этим голубоглазым иудеем, изъясняющимся на языке франков. Однако когда Понтию не хватало франкских слов, он добавлял их из необычного латинского диалекта, забытого современной латынью.

– Где ты остановился, Понтий?

– Недалеко от этого места. Видишь у дороги покосившуюся хижину с крышей, заплатанной свежими пальмовыми листьями. Хозяева ее исчезли – видимо, нашли жилье получше. По крайней мере, из него меня никто не гонит и плату за проживание не требует.

– Ну а меня можно найти в Храме Соломона – там иерусалимский король выделил для нас с братьями несколько помещений.

– Твое жилище лучше моего, – признался иудей.

– Я не богаче тебя и всего лишь пользуюсь милостью короля. Буду рад видеть тебя в гостях и заодно поможешь разобраться с некоторыми находками. И еще, я собираюсь попро-

силь у короля разрешение исследовать свое место жительства. Ведь подо мной руины иерусалимского храма.

– Было бы интересно, – не удержался иудей, но тут же поостыл.

Его, нищего еврея, не очень-то и ждали во дворце Балдуина, и воспользоваться приглашением было весьма проблематично.

– Я пришлю за тобой людей, как только смогу принять, – пообещал крестоносец.

Мечты... мечты...

На месте, где по предположениям нового друга магистра стоял Иерусалимский храм, копать было невероятно трудно. Земля представляла собой камни, перемешанные с осколками кирпича. Иногда попадались настолько огромные каменные плиты, что было невозможно не только поднять их на поверхность, но даже сдвинуть с места. Гуго де Пейн не разрешал разбивать камни, а потому приходилось обходить их стороной, увеличивая площадь раскопа.

Углубившись локтей на пять, землекопы натолкнулись на плотно лежавшие друг к другу блоки. Обойти их не было возможности; оставалось либо их дробить на части, либо снова копать на новом участке.

Гуго де Пейн и Понтий уселись на краю раскопа и размышляли, что предпринять далее. Они начали рассматривать свои находки, состоявшие в основном из наконечников метательного оружия разных эпох, нескольких монет, и бесформенных кусков расплавленного застывшего металла.

Несколько слуг терпеливо ждали на дне раскопанной ямы решения магистра. Наконец он вспомнил о землекопах, которым, независимо от решения де Пейна, требовался отдых в тени, ибо солнце в это время приближалось к зениту.

Гуго и Понтий с таким увлечением рассматривали монетку, что не сразу отреагировали на предупреждение слуги:

– Магистр! Иерусалимский король вышел из дворца.

Балдуину исполнилось шестьдесят лет, но он все еще успешно спорил с собственным возрастом. В сторону увлеченных раскопками людей шел стройный худощавый человек высокого роста. Годы отметились на его лице неглубокими морщинами, но не смогли стереть врожденную привлекательность. Борода – местами рыжеватая, но в большинстве своем седая, была аккуратно пострижена. Она, как и одежда Балдуина, говорила о том, что человек постоянно заботится о своем внешнем облике.

Король великолепно владел рыцарским оружием и был прекрасным наездником. Несмотря на возраст, монарх неизменно участвовал в крупных военных походах. Не всегда они заканчивались удачно, несмотря на опыт Балдуина. Он увлекался мечтами, терпел поражения и даже попадал в плен, но всегда мужественно переносил удары злого рока.

Балдуин славился делами благочестия, но поскольку он был умен, то даже добрые дела приносили королю великую пользу. Выделив «Нищим рыцарям» место обитания и поддержав их на первых порах, король приобрел могущественную организацию и преданного друга в лице магистра Гуго де Пейна.

Наблюдательные живые глаза, загорающиеся блеском, когда разговор шел об интересных для короля вещах, свидетельствовали о том, что Балдуин был увлекающимся человеком. А его изощренный ум позволял достигать многих желанных целей – и все это делало его счастливым человеком, несмотря на тяжкий груз государственных забот.

Найденные вещи на сегодняшних раскопках не слишком заинтересовали Балдуина, большее внимание его привлек новый друг магистра, и на него упал первый взгляд короля.

Де Пейн с другом встали на ноги и вместе со всеми почтительно поклонились подходившему Балдуину II. Монарх легким кивком головы показал, что приветствия приняты. Он со снисходительной улыбкой осмотрел находки, и в следующий миг его озадаченный взор застыл на смуглом лице друга магистра.

– Гуго, что за иудей с тобой рядом? – подозрительно спросил король. Тон голоса его был таков, что Понтию захотелось исчезнуть с его глаз в одно мгновение.

– Это Понтий – он добрый христианин. Прибыл к святым местам из Рима.

– Странное имя у твоего знакомого, – удивился король.

– Такое ему дали отец и мать.

Ответ явно не удовлетворил короля, а потому де Пейн продолжил объяснения:

– Эта земля действительно была родиной предков Понтия. А сейчас он помогает мне разбираться с находками, и нет человека, который знал бы больше о предметах, извлеченных из земли, как и о самой земле, на которую мы пришли.

– Хорошо, – этим словом король милостиво разрешил присутствие Понтия. – Как с поисками Ковчега Завета? Не удалось найти?

– Самое ценное – это монета, отчеканенная в прокураторство Понтия Пилата – 29 год от Рождества Христова. Ее нашли перед самым твоим приходом. – Де Пейн раскрыл ладонь и протянул находку королю.

Балдуин посмотрел на медную мелочь, восторженно протянутую магистром, но в руки брать не стал.

– Неплохо, неплохо, – произнес король, – надеюсь, это не последняя и не самая лучшая ваша находка. Только не разрушайте мне дворец, – окинул он взором приличный раскопанный участок, который действительно имел начало у места обитания тамплиеров и направлялся в сторону резиденции монарха. – Удачи, магистр!

Король ушел, а магистр понял его последние слова, как приказ продолжать раскопки. После полудня работа закипела вновь.

Находок, достойных внимания, не было, и Понтий грустным взглядом рассматривал окрестности.

– О чем задумался, друг? – спросил магистр.

– Я смотрю, как сильно изменилась эта земля. Теперь здесь редко встретишь мусульманина, хотя все напоминает о них. Вокруг франки, германцы... христиане. Кто они? Гости, хозяева? Что ждет Святую землю?

– Да откуда ты можешь знать прежнюю Святую землю, если прибыл сюда из Рима почти что вместе со мной? – удивился де Пейн.

– Я был в Иерусалиме мальчишкой. Еще дед накануне своей кончины пожелал поклониться святым местам и взял меня с собой. А еще память прежних поколений моего рода всегда со мной.

– Как это? – удивился тамплиер.

– Что здесь удивительного? Вы, знатные франки, имеете родословную, знаете, какими подвигами отличились ваши предки в прежние столетия. А мы еще сохраняем в памяти нашу землю, события, происходившие на ней.

– У иудеев голова не больше, чем у франков. Как же в ней помещается столько всего?

– И у франка, и у жителя Палестины в голове неимоверно много свободного пространства. Надо всего лишь научиться его заполнять, надо заставить свою голову работать.

Речь зашла о вопросах, в которых де Пейн ничего не смыслил, и чтобы не показаться недалеким, франк переменял тему:

– В твоем голосе я уловил печаль. Разве ты недоволен тем, что Святая земля находится в руках христиан?

– Не знаю, – честно признался иудей. – Надо видеть, чем это закончится.

– Хватит ли твоей жизни, чтобы окинуть взором произошедшие великие свершения в этом мире.

– Разумеется, нет. Величие дел видится на расстоянии. Сегодняшние события будут оценивать наши далекие потомки.

– Тогда тебя и не должно ничто печалить сегодня, коль ты не можешь оценить происходящее. Но вместо того, чтобы радоваться освобождению Гроба Господня от власти неверных, ты печалишься. В чем причина?

– Господь пожелал, чтобы на этой земле жили иудеи, а они рассеяны по всему свету.

– Ты хочешь сказать, что франки, германцы, норманны, которые сейчас здесь, – тоже не на земле, отведенной им Господом? Их здесь быть не должно?!

– Не знаю, – честно признался иудей. – Время скажет свое.

– Хоть чего-то ты не знаешь. Но я знаю точно, что святые места отныне и навсегда будут охраняться христианами. Даже если для этого придется всему Западу переселиться на Восток.

Несмотря на уверенность в своей правоте, на душе магистра остался неприятный осадок после разговора с другом. Он опасался, что продолжение беседы его не развеет, а только усугубит, а потому мысли он решил сменить физическим трудом:

– Однако, добрый друг Понтий, иерусалимский король ждет от нас Ковчег Завета.

– Жаль разочаровывать короля, но у него нет шансов обладать святыней иудеев.

– Почему ты сразу сдаешься, Понтий? Разве Ковчег Завета не находился в Иерусалимском храме? Разве это не последнее место его пребывания?

– Да, это так. Но в последний раз он покоился на самом почетном месте храма полторы тысячи лет назад. С тех пор о Ковчеге Завета говорят все, но никто его не видел.

– Но ведь он находился в храме, и почему бы ему не оказаться в каком-нибудь тайнике на месте разрушенного святилища? – не желал терять надежду тамплиер.

– Ты копаешься в руинах последнего храма, разрушенного римлянами тысячу лет назад. В этом храме Ковчега Завета не было. Думаю, что после его исчезновения иудеи просеяли землю, на которой стоял первый храм, настолько тщательно, что Ковчег не ускользнул бы от них, если б даже имел размер иголки.

– Расскажи, как он выглядел, – попросил де Пейн.

– Это ларь из дерева – два с половиной локтя в длину, полтора локтя в ширину и высоту. Внутри и с наружи обит чистым золотом. Шесты для его переноски из дерева той же породы – также покрыты золотом. Внутри находятся выбитые на камне Десять заповедей Божьих, – пояснил Понтий. – Поскольку ты бережно обходилась с каждым вырытым камнем и подолгу их рассматривал, значит тебе немного известно о величайшей святыне еврейского народа.

– Немного слышал, – признался магистр.

– Видимо, очень немного, если принялся за поиски Ковчега Завета. И мне остается лишь молиться, чтобы ты не нашел ни Ковчега, ни должных в нем быть каменных Скрижалей.

– Почему? – удивился и даже немного обиделся магистр.

– Не может остаться в живых тот, кто видел Ковчег Завета, либо прикасался к нему. Он мог перемещаться только во время странствий еврейского народа. В пути за Ковчегом Завета следует необычное облако. Таким образом он мог собрать всех иудеев, и так они сообщались с небесами. Перемещали Ковчег только покрытым плотной тканью. Однажды Ковчег перевозили на колеснице, из-за неровности дороги он начал сползать. Один иудей протянул руку, чтобы его поправить, но в тот же миг был поражен насмерть. Потому на пути следования Ковчега все холмы срезаются, почва выравнивается.

– Как, по твоему мнению, Понтий: где может находиться Ковчег, если ты считаешь, его не может быть на месте храма?

– Его забрал у иудеев за грехи Тот, Кто дал им. Ковчег Завета бережно хранился, но заповеди, данные Господом, не соблюдались. Вот и преследуют иудеев несчастья с тех пор, как исчез Ковчег Завета. Они уничтожаются в своем священном городе; Иерусалим превращается в груды камней и песка другими народами; иудеи гонимы и разбросаны по всему миру; прочие народы их презирают, грабят, избивают...

– И его вернуть нет ни единого шанса? Ты так считаешь?

– Почему же... Ковчег Завета может вернуться. Только наши лопаты в этом деле не помогут... Хотя и от нас с тобой многое зависит.

– Я-то к святыни вашего народа отношения не имею.

– Милость Бога может вернуться, если каждый будет исполнять Его заповеди, если сердцем примет Ковчег Завета. Ковчег – знак того, что Господь присутствует среди народа. Обладающая величайшей милостью Господа, Его осязаемым знаком, евреи возгордились более других народов. Они построили красивейший храм, посвященный Господу, отвели в храме лучшее место для Его дара, но оставили глухими свои сердца для Его пожеланий. Вот Богом избранный народ и получил то, что должен.

Гуго де Пейн внимательно слушал нового друга, опершись на лопату. Иудей давно перестал говорить, закончились вопросы и у магистра, а он все стоял в безмолвии, вызывая вопросительные взгляды слуг, стражи, орденских братьев. Понтий почел за лучшее прервать его размышления и вернуть к жизни:

– Я понимаю, Гуго, тебя не интересует золото в находках, тебе интересно просто держать в руках вещи давным-давно умерших людей. И еще, ты мечтаешь найти что-то, связанное с Ним, Его земной жизнью. Возможно, я тебе помогу. А теперь давай продолжим этот раскоп, коль сам король благословил наш труд.

И соединенные незримыми нитями дружбы – магистр христианского ордена и бродячий иудей – занялись тем, что им действительно нравилось делать в этой жизни.

Паломничество Петра Пустынника

В юности Петр Амьенский мечтал о сражениях и подвигах. Однако слишком часто ему приходилось видеть, как лилась кровь отнюдь не врагов-иноверцев, но братьев-христиан; как даже близкие родственники сражались друг с другом из-за неправильно, как им казалось, разделенного наследства. Сердцем Петр понимал, что Господь не может одобрить такое положение вещей; он постиг все несовершенство мира, ему удалось даже исторгнуть честолюбие из души и отвергнуть мирскую суету. Это был сильный человек.

Петр Амьенский избрал самый суровый монастырь, почти закрытый для постороннего мира, и день за днем проводил в одинокой келье, обращаясь к Господу с жаркими молитвами. За свое стремление к уединению Петр получил прозвище Пустынник.

В мире и покое жил Петр Пустынник год за годом, видясь даже с братьями-монахами нечасто. Обитателей монастыря не интересовали мирские сплетни, многие даже не ведали, какой король сидит на троне. Крестьяне, доставлявшие в монастырь самые необходимые для жизни вещи, делали это в глубоком молчании. Они знали нелюбовь монахов к мирским новостям, которые всегда заканчивались чьим-то осуждением, а судить мог только Господь – и плохих, и хороших. Ведь невольно, пусть даже интонацией в голосе, показывалось отношение к барону, отнявшему вблизи монастыря деревеньку в три хижины у вдовы погибшего рыцаря – но и этого барона не имели права осуждать добрые монахи.

Только вести со Святой земли монахи жадно ловили, где только возможно, и с особой радостью принимали у себя пилигримов, вернувшихся из Палестины. Рассказы путешественников чаще всего огорчали жителей суровой обители. Турки, захватившие Палестину, еще больше арабов угнетали христиан Святой земли; немало терпели паломники от рук грабителей и фанатиков-иноверцев. Собственно, длиннейшее путешествие для большинства франков само по себе не могло быть безопасным – даже если б оно проходило только по землям христианских народов. Но, что касалось паломничества в Иерусалим, все дорожные беды и неприятности относились на счет турок, и вскоре новые завоеватели, сами того не ведая, вызвали своим только существованием ненависть всей Европы. И поскольку франки чувствовали себя гораздо сильнее турок, то ни у кого не возникло даже мысли начать договариваться с новыми властителями Иерусалима.

Петр сам решил совершить паломничество к святым местам, какие бы страхи не рассказывали гости монастыря. Монах, кипучую энергию которого не смогли охладить за долгие годы стены кельи, добрался до Иерусалима и поклонился святым местам. Здесь он увидел, что положение местных христиан действительно достойно сочувствия; многие из них, уступая давлению завоевателей и ради спасения самих жизней, принимали ислам. В одну из ночей Петру Пустыннику явился Господь и велел призвать западных христиан помочь восточным братьям.

Как дитя своего прямого и сурового века, Петр Пустынник понимал только помощь, которая оказывается мечом. В те времена западная и восточная церкви вот уже несколько десятилетий как отмежевались друг от друга, и между ними существовала если не вражда, то неприязнь. К чести Петра Амьенского, надо сказать, он продолжал относиться к христианам Востока с братской любовью. Пустынник встретился с Иерусалимским патриархом Симоном и посоветовал тому обратиться к Папе Римскому, королям и влиятельным князьям Запада. Сам же пообещал по возвращении в Европу идти ко всем влиятельным людям сего мира и умолять их спасти христиан Святой земли и саму Святую землю от разорения.

Простой франкский монах удивительным образом сдержал свое обещание. Невысокого роста, невыразительной внешности, весьма тощего вида от чрезмерной умеренности в еде и питье, Петр Амьенский имел проницательный ум и, после долгих лет отшельничества и бесед исключительно с Господом, в нем открылся удивительный дар красноречия.

Петр отправляется в Рим, добивается аудиенции главы Западной церкви и пламенно рассказывает о бедственном положении христиан Палестины. А потом недавний затворник – на мулле, с крестом в руках и горячим сердцем в груди, от жара которого едва не воспламенялась грубая одежда, – отправляется в бесконечное путешествие по всем землям франков и за их пределы. Во всех людных местах звучит убедительная просьба Петра спасти Святую землю, а великий дар убеждения Петра заставил тысячи и тысячи людей позабыть свои мирские дела и устремить чаянья и помыслы на Восток.

Урбан II прекрасно знал положение христиан и паломников на Святой земле, но только проникновенная речь монаха побудила его к реальным действиям. Собственно, Франция уже готова была отправиться к Иерусалиму; Папе Римскому осталось лишь озвучить свершающийся независимо от его воли факт и благословить движение Европы на Восток. В ноябре 1095 г. вопрос об Иерусалиме встал на церковном соборе в Клермоне. Перед тысячами собравшихся на городской площади выступил недавний паломник. Речь Петра дошла до сердца каждого участника собора и до множества зрителей; голос его в зависимости от передаваемых событий звучал то с дрожью и слезами на глазах, то сурово и мужественно, словно удар меча, то с любовью и благоговением, когда заходила речь о Святом земном наследии Иисуса. К концу речи этого маленького человека все были убеждены, что необходимо немедленно отнять у турок Иерусалим. Как нельзя кстати прозвучали евангельские слова Господа: *«И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»*. Они и дали название грандиозной героической эпохе. Духовенство, сеньоры и вассалы, простолюдины – все, кто дали обет выступить на защиту Гроба Господнего, нашили на свои одежды красный крест.

Папа провозгласил Крестовый поход; участникам его Урбан II обещал прощение всех грехов, всех погибших за освобождение Гроба Господнего ожидало Царство Божье; имущество тех, кто отправлялся в крестовый поход, глава христиан обещал принять под защиту церкви; а также прозвучало требование прекратить все внутренние войны. Народ многими тысячами голосов ответил: «Так хочет Бог!»

Князья, герцоги, графы, бароны и рыцари обстоятельно готовились к тяжелому дальнему походу. Гораздо скорее организовалось другое войско – вокруг Петра Пустынника. На его призыв откликнулись крестьяне и ремесленники – иные распродавали все имущество и приходили целыми семьями, оставив свои монастыри, к нему присоединялись монахи, разбойники и воры забросили свой мерзкий промысел, покинули тайные убежища в надежде искупить тяжкие грехи участием в войне за Святую землю. Не хватало крестов для всех желающих их принять, и Петр разрывал на заветный символ свою верхнюю одежду.

Таким образом вокруг Петра собралось войско не менее чем в сто тысяч человек. Хотя войском эту крупнейшую толпу назвать трудно: многие вообще не имели никакого оружия, у них не имелось никаких обозов, а соответственно, не было запасов продуктов не только на время похода, но и на день сегодняшний. Если под влиянием проповедей Петра разбойники превращались в праведников, то теперь все огромное войско, вооруженное благими намерениями, превращалось в разбойников по причине того, что хотелось кушать каждый день, а есть было нечего.

Один из сподвижников Петра – Вальтер Готье (Голяк), обедневший рыцарь – собрал под свое знамя отряд в 15 тысяч франков и германцев. В германских землях они вначале нападали на незащищенные крестьянские поселения, а затем принялись грабить и крупные города на Рейне, избивая при этом евреев. Войско, собравшееся для благородной цели, сеяло хаос и смерть на собственной родине. Срочно нужно было уводить десятки тысяч вооруженных чем попало голодных людей.

Весной 1096 г. Петр Пустынный и его сподвижники повели разноплеменные толпы в направлении Святой земли. Венгерский король Коломан Книжник согласился пропустить крестоносцев через свои владения и даже обеспечить их продовольствием. Первым вступил на

венгерские земли пятнадцатитысячный отряд пфальцского священника Готшалька. Вскоре до крестоносцев дошли сведения, что другой отряд их братьев почти полностью уничтожен в Чехии князем Брячиславом. Подчиненные Готшалька сочли своим долгом отомстить за смерть братьев, но почему-то их ярость обрушилась на венгров, гостеприимно предоставивших проход и съестные припасы. Коломан перебил весь отряд Готшалька, и только таким образом прекратил разорение своих земель.

Вслед за этим на территорию Венгрии вступили основные силы крестоносной гольтыбы, ведомые Петром Пустынником и Вальтером Готье. Вождям удалось провести войско через Венгрию колоннами, избежать грабежа окрестного населения и недоразумений с местным королем. В православной Болгарии крестоносцы были приняты еще хуже, чем в Венгрии, и только после многих вооруженных столкновений им удалось выйти к проливам, отделявшим Европу от Азии. Число их было все еще весьма внушительное – около 180 тысяч (впрочем, не только воины входили в это число, но их жены, дети, простые паломники).

Византийский император был в ужасе от подобного нашествия. Как пишет дочь императора Алексея Анна Комнина, «кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд на небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском они двинулись на нас через Дакию».

Император старался мирно проводить всю толпу к намеченной цели. На пути через византийские владения крестоносцев, в разных местах, ожидала собранная для них провизия. Алексей принял Петра Пустынника в своем дворце, и даже посоветовал тому дожидаться рыцарского войска, так как понимал, что крестьяне не смогут противостоять туркам. Но это было невозможно. Как только западные пришельцы воочию убедились в богатстве византийских городов, ничто не смогло удержать их от соблазна. Грабежи и разбои, начавшиеся по ночам, вылились в сожженные дома и дворцы. Окрестности стоянки крестоносцев превращались в пустыню. Те, которые не забыли еще о благородной цели похода, требовали у Петра скорее вести их к Иерусалиму.

После переправы в Малую Азию от войска Петра отделились отряды норманнов и германцев под началом Рено де Брея. Почувствовав полную свободу, они принялись грабить окрестности Никеи.

Норманны, отягощенные добычей, вернулись в лагерь, но оставались в нем недолго. Их новой жертвой стал Ксеригорд, расположенный в четырех днях пути от Никеи. Мятежные крестоносцы взяли город с ходу – как оказалось, столь удачно они овладели не чем иным, как собственной могилой. Турецкое войско осадило город 29 сентября 1096 г., и на девятый день осажденные были вынуждены сдаться на милость победителя по причине полного отсутствия воды. Часть норманнов и германцев была перебита, а прочие уведены в плен.

Оставались еще франки с Петром Пустынником. В их лагерь султан Никеи послал двух шпионов с вестью о том, что норманны взяли Никею с огромной добычей. Франки, прослышав о богатствах малоазийского города, бросились в его направлении, стараясь обогнать друг друга. Напрасно Петр пытался остановить свое взбунтовавшееся войско. Путь к Никее лежал через ущелья, где толпы крестоносцев все и были перебиты в устроенных засадах.

Петр не был участником последнего акта трагедии. Потеряв власть над своим войском, он не пошел вместе со сребролюбивыми толпами в Никею, а направился обратно в Константинополь. Так, без всякой пользы, погибли сотни тысяч человек, и это было только начало трагической и героической эпопеи.

Рожденный в Иерусалимском храме

Ближе к концу лета 1096 г. в сторону Святой земли начали выдвигаться и настоящие войска. В середине августа отправился в путь 36-летний Готфрид Бульонский – герцог Нижней Лотарингии, бывший потомком Карла Великого, хотя и по женской линии. Современники оставили нам портрет в высшей степени достойного предводителя похода: он обладал огромной физической силой и мужеством, но никогда не терял рассудительности; несмотря на высокое положение и происхождение, отличался воздержанностью и простотой, и главное, Готфрида направило в поход искреннее желание защитить святыни. Наконец, чтобы получить средства для войска, он заложил свои владения епископу Льежа и Вердена. Готфриду Бульонскому удалось собрать восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч конницы. Вместе с ним в поход отправились родные братья – Евстафий и Балдуин, а также двоюродный брат – Балдуин Бурский. Рыцари шли в Палестину по следам Петра Пустынника; этих крестоносцев и венгры, и болгары встретили и проводили как самых желанных гостей.

Множество других знатных французских сеньоров откликнулось на призыв Урбана II. Одним из первых начал собираться в поход младший брат короля Филиппа I – Гуго. Несмотря на высокое родство и непомерную кичливость, принц был беднее иных баронов. Лишь после женитьбы на дочери графа Вермандуа у него появились кое-какие владения. Гуго собрал небольшое войско и на поход в Иерусалим возлагал большие надежды. Он отправился на Восток через Италию, намереваясь перебраться на Балканы морем.

Нормандский герцог Роберт, чтобы получить необходимые средства на поход, заложил Нормандию своему брату – английскому королю Вильгельму II. С ним отправились в поход рыцари Нормандии и Англии.

Граф Фландрии Роберт де Фриз возглавил фламандских рыцарей.

Из Южной Франции вышло многочисленное войско под началом могущественного графа Тулузского Раймунда.

Шедшие через Италию рыцарские армии невольно взбудоражили Апеннинский полуостров. Честолюбивый авантюрист князь Тарентский Боэмунд без долгих размышлений пожелал принять участие в опаснейшей войне. Властитель небольшого феода благодаря своей изворотливости в короткий срок стал обладателем хорошей армии. Боэмунд Тарентский уговорил присоединиться к нему некоторые отряды французских рыцарей, которые бродили по Южной Италии с целью переправиться за море. В лагере князя Тарентского оказался и принц Танкред Апулийский, возглавлявший отряды воинственных южно-итальянских норманнов. Всего под началом Боэмунда Тарентского собралось 10 тысяч конницы и 20 тысяч пехоты.

Весной 1097 г. все это множество знатнейших европейских фамилий вступило в Вифинию, в те места, где нашли свою гибель подопечные Петра Пустынника. Султан Никеи, уничтоживший крестоносцев-бедняков, потерпел поражение от рыцарей. Его столица готовилась пасть под мечами франков, но византийское коварство спасло Никею от разорения, а ее население от рыцарских мечей. Дело в том, что в осаде Никеи участвовали византийские отряды. Один воевода договорился с осажденными, что те впустят в город ромеев и признают власть Константинополя. И вот, когда франки, проснувшись утром, начали готовиться к штурму, вдруг увидели, что на городских башнях развеваются флаги императора Алексея Комнина.

Делать было нечего, пришлось отдать Никею византийцам. Франки не слишком возмущались, потому что было лишь начало похода, то есть для подвигов и славы имелось достаточно простора. Впрочем, слава – такая капризная категория, что трудно делится между людьми, ищущими ее в одном месте.

К городу Тарсу (который известен как место рождения святого Павла) отправились отряды норманнов Танкреда и фламандцев Балдуина – брата Готфрида Бульонского. Нор-

манны всегда шли первыми, они и уговорили немногочисленных турецких защитников Тарса сдаться и принять флаг Танкреда. Пришедший следом Балдуин потребовал, чтобы город был сдан ему по причине большей многочисленности его войска. Испуганные жители сняли флаг Танкреда и подняли стяг Балдуина. Рассвирепевший Танкред, из-под носа которого византийцы увели Никею, а фламандцы Тарс, перебил пленных турок. Конфликт имел продолжение в другом месте Киликии, где оба христианских отряда сошлись в битве; и только после пролития крови, на следующий день, Танкред и Балдуин помирились, вспомнив, что оба участвуют в священной войне.

Балдуин, избалованный крестоносцами в корыстолюбивых намерениях, откололся от основной армии. Со своим отрядом он захватил в Месопотамии Эдессу и основал первое государство крестоносцев на Востоке – графство Эдесское.

Целый год (с октября 1097 г. по ноябрь 1098 г.) основные силы крестоносцев потратили на сирийский город Антиохию. В июне 1098 г. крупнейший сирийский город был взят, но крестоносцы оказались в нем, словно в западне. Окруженное врагом христианское войско находилось на грани голодной смерти, не имея сил даже сопротивляться. Когда все уже готовились погибнуть, священник из Марсея по имени Пьер Бартелеми рассказал на совете предводителей крестоносцев, что три ночи подряд к нему во сне является апостол Андрей. Он велел пойти в церковь Святого Петра в Антиохии – в ней под главным алтарем закопано в земле копьё, которым была нанесена рана Иисусу Христу. В указанном месте действительно нашли старинное, покрытое ржавчиной копьё. Его вынесли вперед войска, и случилось чудо: толпа, которая равнодушно готовилась умереть, превратилась в неодолимое войско.

В результате вылазки воодушевленных христиан 100 000 врагов было изрублено, остальные спасались бегством; крестоносцы потеряли 4000 воинов. Франкам достался лагерь побежденных, и понадобилось несколько дней, чтобы перенести добычу в Антиохию.

После победы начались неприятности. Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский принялись спорить: кому из них достанется Антиохия. Победу одержал князь Тарентский. Тут началась ужасная эпидемия, что в окрестностях не хватало места для могил и не доставало священников отпевать усопших. Армия крестоносцев наконец-то покинула пораженные эпидемией места и направилась в сторону Иерусалима. Из Антиохии вышло 50 000 воинов – все, что осталось от 300-тысячной армии и 300-тысячной толпы паломников, слуг, торговцев, женщин, вошедших в Малую Азию вместе с армией. К Иерусалиму добралось не более 20 000 воинов. Чужая земля, словно ненасытный дракон, поглощала пришельцев с Запада целыми армиями и толпами.

В пути крестоносцев преследовали болезни, голод и войска мусульман. Рыцари, уставшие от бед, выразили сомнение в чудодейственной силе копья из храма Антиохии. Священник Бартелеми, чтобы вернуть уверенность войску, решился на жестокое испытание. В центре всего войска был разожжен огромный костер, через который прошел священник, сжимая в руках копьё, обернутое в шелковую материю. Он вышел живым из огня, и войско пошло дальше. А через несколько дней Бартелеми умер.

15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом; крестоносцам придал сил один лишь вид священного города. Но после блистательной победы началась ужаснейшая резня, все мусульмане были преданы мечу. Реки крови обагрили город, по которому ходил Иисус. А когда не стало больше мусульман в Иерусалиме, графы, бароны, рыцари и простые пилигримы обнажили головы, сняли обувь и с самыми искренними выражениями любви и благоговения направились на поклонение святыням.

Все искали на Святой земле хоть что-то связанное с земной жизнью Господа. Потому и Гуго де Пейн, оказавшись на земле, где ходил Создатель, столь самоотверженно, на непризывной жаре, переворачивал палестинский песок и камни. Кстати, пора бы нам вернуться к человеку, с которым познакомились на первых страницах книги.

В 1118 г. из земли франков в Иерусалим прибыл рыцарь Гуго де Пейн с восемью своими родственниками-рыцарями. Благородные воины были настолько бедны, что имели одну лошадь на двоих. Единственное, чего было сверх всякой меры – это желания быть полезными Святой земле, и связано с этим желанием было множество великих проектов и грез.

Рыцарь сразу же направился во дворец Иерусалимского короля, каким-то образом добился его аудиенции и объявил монарху о своем намерении организовать вооруженное христианское братство на Святой земле. Предполагалось, что орден будет защищать паломников от воров и грабителей и вообще охранять дороги, ведущие в Иерусалим. Поскольку рыцари прибыли в Иерусалим, едва отличимые по виду от бродяг, то и с названием ордена Гуго де Пейн долго не мудрствовал.

Как ни удивительно, король Иерусалима благосклонно принял идеи рыцаря. Гуго де Пейн и его «Нищие рыцари» (не имевшие никакого крова над головой) получили приют в Храме Соломона, расположенном на южном склоне Храмовой горы. Благодаря этому обстоятельству «Нищие рыцари» теперь стали именоваться (вначале неофициально) тамплиерами (храмовниками) или орденом Храма. Так появился этот рыцарско-монашеский орден на Святой земле.

К Соломону сооружение, с которого началась история знаменитого ордена тамплиеров, имело косвенное отношение – поскольку оно лишь располагалось на холме, где стояло детище библейского царя. Настоящий Храм Соломона был построен в начале X в. до н. э. и разрушен вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э. В 538 г. до н. э. персидский царь Кир издал указ, согласно которому евреям позволялось вернуться на родину и снова построить храм.

Отстроенный с участием Кира храм просуществовал до 70 г. н. э., когда вместе с Иерусалимом был до основания разрушен римскими войсками Тита. Город лежал в руинах 60 лет; затем император Адриан решил на его месте основать римскую колонию, а на Храмовой горе построить храм Юпитера. Победившее христианство превратило языческие культовые постройки в руины, и на их месте возникла свалка.

В VII в. Иерусалим завоевывают арабы, они же сооружают на Храмовой горе знаменитые мечети Купол Скалы и аль-Акса. Во время штурма Иерусалима крестоносцами в 1099 г. укрывшиеся в мечети аль-Акса мусульмане оказали наиболее упорное сопротивление. С ней связаны и самые кровавые страницы битвы за Святую землю. Сарацины гибли не только во время боев; войско крестоносцев настолько было малочисленным, что у него не имелось людей для охраны пленных, а потому истреблялись все мусульмане, а заодно и евреи. В мечети погибло до десяти тысяч мусульман. Все пространство в ней было покрыто мертвыми телами, и победители с ног до головы были забрызганы кровью.

Множество мусульман обоего пола пытались спастись на крыше мечети аль-Акса. Танкред и виконт Беарнский объявили их своими пленниками, однако на следующее утро франки поднялись на крышу и перебили всех до единого. Безумная жажда крови овладела латинянами до такой степени, что когда граф Тулузский отослал собственных пленников в Аскалон, то был обвинен товарищами в предательстве.

Мечеть аль-Акса после взятия Иерусалима стала именоваться Храмом Соломона. Она стала резиденцией первого латинского правителя Иерусалимского королевства – Готфрида Бульонского. Часть Храма король Балдуин II теперь и отдал только что образованному рыцарско-монашескому ордену Гуго де Пейна.

Иерусалимский король оттого проявил благосклонность, по сути дела, к бродягам, что его увлекла спасительная идея: создать на Святой земле военно-монашеский орден, который бы всегда оставался здесь. Весь христианский мир радовался освобождению Иерусалима, множество паломников устремилось в Палестину, среди них были и рыцари, готовые поучаство-

вать в нескольких битвах с мусульманами. Но... Те, что совершили Первый крестовый поход, в большинстве своем сложили головы, так и не увидев Иерусалима; многие, после взятия священного для христиан города, вернулись на родину, посчитав свою миссию исполненной; прибывавшие пилигримы надолго не задерживались; крестоносцы же, наиболее верные священной миссии, просто состарились. (Наш старый знакомый Петр Пустынник после разгрома своей армии под Никеей и до конца своей жизни оставался в глубокой тени. Он присоединился к войску Готфрида Бульонского, дошел с ним до Иерусалима, затем в 1099 г. вернулся во Францию, основал монастырь и умер в его стенах в 1115 г.) И вот, первый правитель Иерусалима (не принявший золотой короны, потому что в этом городе Иисус был коронован терновым венцом) Готфрид Бульонский однажды смог выставить только 200 рыцарей и до двух тысяч воинов.

При иерусалимских королях Балдуине I и Балдуине II положение стало еще хуже, чем при славном Готфриде Бульонском – бесстрашном воине и праведнике, который более всех крестоносцев был предан делу освобождения Святой земли. Животворящий Крест редко покоился в храме Гроба Господнего. Почти ежегодно святыня была несомой впереди немногочисленного войска христиан, идущего в бой против неисчислимых ратей мусульман. Только страх потерять главнейшую реликвию и заставлял христианское войско одерживать победы.

Постоянно живущих христиан в Иерусалимском королевстве было так мало, что, по словам Балдуина I, они едва могли бы заполнить одну из главных улиц города.

Балдуин II выделил Гуго де Пейну из своих владений небольшие земельные участки – некоторые были подарены, другие переданы во временное пользование. Благодаря этому члены ордена получили средства для существования и для развития своего детища. Отличительной особенностью тамплиеров стал красный крест, нашитый на белый плащ. Вступавшие в орден давали три обета: целомудрия, бедности и послушания.

Несмотря на покровительство Иерусалимского короля, орден Храма долгие годы оставался в неизвестности. В Иерусалим прибывало много паломников: одни, поклонившись святым местам, возвращались на родину, другие принимали участие в войне с неверными, иные оставляли свои головы в негостеприимных песках, но слишком мало находилось желающих вступить в суровый орден и расстаться со своими человеческими слабостями, как требовал его устав. Новая христианская организация противоречила здравому смыслу: она, согласно приносимым обетам, являлась монашеской, а монахам запрещалось брать в руки оружие, но без одного орден не мог исполнять то, что обещал. В те времена монахи должны были в уединении обращаться к Богу с молитвой, а рыцари сражаться – и оба действия в понимании тогдашнего человека не могли соединяться.

Орден рыцарей Храма существовал, но свое назначение, в силу малочисленности, выполнить не мог. Могущество к нему пришло, когда Гуго де Пейн начал отчаиваться и почти утратил веру в жизнеспособность своего детища.

Плохое предчувствие хранителя хитона

Магистр нечасто пользовался гостеприимством бедного иудея, обычно они встречались в одном и том же месте, за одним и тем же делом. Несмотря на занятость, магистр с подчиненными не оставил попыток проникнуть в тайны Голгофы. Исследователя в душе, Гуго де Пейна радовала любая мелочь из прежних столетий, и особенно вещь, извлеченная из земли и существовавшая во времена, когда совершал свои земные шаги Иисус. Его нисколько не огорчало, что Понтий, рассказывавший о находках, неизменно своими комментариями подтверждал, что величайшего открытия не совершено.

Сегодня Понтий появился на Голгофе позже обычного. Еще более удивил он, когда сразу же после приветствия пригласил Гуго де Пейна в гости. «Разумеется, – нехотя добавил иудей, – после того, как магистр закончит поиски». Тамплиер любезно поблагодарил иудея и, спустя недолгое время, забыл о приглашении. От проницательного Понтия это не ускользнуло, и он вновь спросил: сможет ли магистр зайти ненадолго в его скромное жилище.

Рыцаря немного озадачило настойчивое приглашение в гости; обычно Понтий не уговаривал; более того, когда франк оказывался в его хижине, то хозяин чувствовал себя неловко оттого, что нечем было угостить дорогого гостя. Иудей понял сомнения Гуго де Пейна и пояснил:

– Мне необходимо показать тебе что-то очень важное... Вещь, которой тысяча лет.

– Уж не ко времени ли Спасителя относится то неведомое, чем ты желаешь меня удивить? – предположил магистр.

– Именно так, – утвердительно кивнул собеседник, – оно ближе к Спасителю, чем ты можешь предположить.

– Что же это?! – почти закричал заинтригованный магистр. Эмоциональная реакция тамплиера заставила повернуться в их сторону несколько пар посторонних глаз и еще больше ушей.

– Почтенный магистр, когда пожелаешь, зайди в мое жилище, и мы продолжим беседу, – приглушенным голосом (почти шепотом) Понтий опять пригласил в гости тамплиера.

– И ты сейчас же не скажешь: как называется эта вещь? – возмутился Гуго де Пейн.

– Нет конечно, – все так же тихо, но решительно произнес иудей. – Потому что ты невольно выдашь тайну, хранимую нашим родом тысячу лет. Я не могу произнести в присутствии посторонних даже название этого предмета.

– Идем сейчас же к тебе, дорогой друг, – магистр, следуя примеру иудея, сказал тихим голосом, но с волнением совладать он не мог. Кажется, все тело рыцаря находилось в движении, словно в него постоянно втыкали иголки, хотя собеседники стояли на одном и том же месте.

– Хорошо, идем ко мне. Тем более, у меня нехорошее предчувствие...

На ходу Понтий несколько раз оборачивался, видимо, он собирался приоткрыть тайну по дороге к дому. Но тут заметил, что им навстречу быстрым шагом спешит рыцарь – точно в таком же, как у магистра, белом плаще. Ветер, развевающий одежду, временами открывал части красного креста, нашитого на спине.

– Годфруа де Сент-Омер, – упавшим голосом магистр произнес имя спешившего человека. – Он может принести важные вести.

– Магистр, тебя срочно просит к себе король, – подтвердил худшие опасения де Пейна подошедший орденский брат.

Лицо магистра исказила гримаса недовольства, впрочем, столь же скоро вернулось к нему и полагавшееся монаху смирение.

– Ничего не поделаешь, придется идти. Не только приказом, но просьбой короля не годится пренебрегать.

Дело у короля оказалось настолько пустяшным, что магистр много раз пожалел, что слишком торопился во дворец и не закончил беседу с нищим иудеем, которая теперь ему не давала покоя.

Оказалось, что Балдуин пожелал сыграть с Гуго партию в шахматы – восточную игру, к которой оба пристрастились в Иерусалиме и были в ней примерно равными по мастерству соперниками.

Теперь, когда мысли тамплиера были заняты совсем другим, перевес в игре довольно скоро перешел на сторону высочайшей особы. Победив единожды, король пожелал закрепить победу. Во второй раз после вялого сопротивления, главная фигура де Пейна снова оказалась под ударом – без единого шанса на спасение. Король Иерусалимский довольно потер ладони и принялся расставлять фигуры для очередной партии. Третья игра прошла еще более скоро-точно. Победа перестала радовать Балдуина:

– Может быть, ты не здоров, брат мой?

– Да, у меня сегодня болит голова, – пришлось соврать растерявшемуся тамплиеру, хотя он не любил этого делать.

– Пожалуй, не буду приглашать тебя к ужину, – смиростивился король. – Вижу, ты действительно плохо себя чувствуешь. Может быть, прислать моего врача?

– Не стоит, – отказался магистр. – Иногда со мной такое бывает. Чтобы ушла боль, мне надо только несколько часов покоя, – и здесь магистр не соврал, именно так он и лечился. (Разве что в настоящий момент ему не было необходимости лечиться.)

Если бы голова и беспокоила магистра по-настоящему, то она бы прошла в момент – от того, что, наконец, удалось покинуть апартаменты короля и вернуться к незаконченному разговору со странным другом. Но... Возвращаться в иудейскую хижину было слишком поздно, на город опустилась ночь. Невольно пришлось отложить визит до утра следующего дня.

Перед тем как лечь спать, магистр решил выйти во двор. Иерусалимское небо все было увешано звездами, ярко светила полная луна. Ночная прохлада и красота ночи Святой земли заставляли магистра не торопиться в нагретую за день и не успевшую остыть душную келью. Гуго направился к воротам в стене, которая защищала и дворец короля, и скромное жилище тамплиеров.

– Ты куда, магистр? – поинтересовался Годфруа де Сент-Омер, вышедший проверить караулы.

– Пройдусь по городу немного.

– Ночью? Без оружия и воинов охранения? – возмутился рыцарь-монах.

– Я недалеко. В пределах видимости привратной стражи.

– Все же я тебя провожу, – настоял Годфруа.

В бедном квартале вдруг на их глазах вспыхнула хижина.

– Где-то там живет Понтий. Уж не его ли жилище запылало? – заволновался де Пейн и почти побежал в направлении пламени, которое увеличивалось с каждым его шагом.

– Гуго, речь шла о небольшой прогулке, – совсем по другому поводу заволновался де Сент-Омер. Но силой остановить магистра он не мог, и рыцарю осталось лишь спешить за ним.

Тамплиеры приблизились к хижине, когда она полностью была охвачена огнем; и строение, к ужасу магистра, действительно оказалось жилищем его друга. Де Пейн поискал его глазами вокруг пожара, но, к еще большему ужасу, не обнаружил. Лишь группа иудеев с интересом наблюдала за чужой бедой. Они даже не пытались тушить огонь, и вообще, как показалось магистру, собрались здесь раньше, чем возникло пламя.

Магистру почудилось, что какая-то тень мечется в языках огня. Инстинктивно он направился к двери; исходящий от горящей хижины жар заставил его прищурить глаза. Пекло лицо, руки, грудь.

– Стой, магистр! Ты уже никого не спасешь и никому не поможешь, – призвал к благоразумию Годфруа де Сент-Омер.

В это время сильный удар вышиб дверь, и прямо на магистра вылетел человек в дымящейся одежде. Магистр, не растерявшись, сбросил с головы человека горящую тряпку, которой тот спасал свое лицо. Затем плотно обернул Понтия (а это был именно он) своим плащом и снял его, лишь убедившись, что огонь, лишенный доступа воздуха, погас на одежде.

Обессилевший Понтий свалился на землю. Магистр, заметив, что в одном месте одежда иудея тлеет, крикнул:

– Воды сюда!

– Не надо воды. Ты можешь его испортить, – пробормотал Понтий.

Магистр сжал в кулаке тлеющую часть рукава Понтия и держал, пока с него не перестал идти дымок и даже сыпаться пепел. Только теперь Гуго де Пейн обратил внимание, что его друг прижимает к груди под одеждой какую-то вещь. Причем делает это обеими руками. Понтий даже не отпустил руки, когда падал, и больно ударился, вместо того чтобы опереться рукой о землю и спокойно присесть.

И тут несколько зрителей из числа иудеев приблизились к Понтию. Якобы желая оказать собрату помощь, они пытались забраться к нему под одежду.

– Гуго, не отдавай им! – закричал Понтий. – Помогите...

Магистр ударил кулаком в глаз самого наглого иудея, уже влезшего сверху на Понтия и пытавшегося разжать обожженные руки. Годфруа, переживавший за магистра, действовал решительнее; он выхватил меч, и ближайшие к де Пейну разбойники один за другим попадали замертво.

– Идем же скорее к Храмовой горе. – Магистр принялся поднимать с земли Понтия. – Наш лекарь тебя осмотрит и окажет помощь.

Иудей достал из-под одежды что-то завернутое в льняную ткань и протянул магистру:

– Возьми! Это Его хитон.

Магистр все понял. Точно так же бережно и крепко он прижал к груди отданный на хранение сверток. Оба мужчины двинулись в сторону дворца короля. В несколько шагах позади, с обнаженным мечом, оглядываясь по сторонам, шел брат Годфруа. Его сила и умение владеть оружием больше не понадобились. На ночной улице появилось много франков, встревоженных пожаром, и грабители не рисковали вновь напасть на соотечественника, потерявшего в пламени почти все свое имущество.

Магистр выделил для Понтия одну из келий. Затем сам отыскал королевского лекаря и привел его к пострадавшему на пожаре иудею. Лекарь внимательно осмотрел Понтия, покрыл мазью поврежденные участки кожи и, получив несколько золотых от Гуго де Пейна, изрек:

– Ничего страшного в его ранах не вижу. Единственное, необходимо беречь поврежденные места от пыли и грязи. Скорее все заживет, если раненый не будет выходить на улицу дня три-четыре, пока не затянутся раны.

Де Пейн заметил косые взгляды братьев в сторону иудея, занявшего свободную келью, им непонятна была трогательная забота главы ордена о человеке из народа, презираемого христианами. Магистр пояснил:

– Наш больной гость также христианин. Он прибыл к святым местам из Италии.

Дар, которому нет цены

Магистр предоставил другу для отдыха остаток ночи, и только далеко не ранним утром приступил к расспросам.

– Понтий, от чего загорелся твой дом?

– Вероятно, ты и сам догадался, что его подожгли.

– Разве у тебя есть враги? – удивился Гуго, глядя на добрейшего из всех людей, которых он знал.

– Они могут появиться у всякого, у кого хоть что-нибудь есть.

– Но тебя могли просто ограбить. Зачем жечь дом?

– Да. Но еще необходимо найти что-то заслуживающее внимания. А когда горит жилище, человек выносит из него самое ценное. И не окажись тебя рядом, я бы не сберег вещь, за которую мои предки были готовы жертвовать своими жизнями.

– Твои соотечественники порядочностью не отличаются. Ограбить человека, потерявшего в огне все имущество и жилье...

– В каждом народе есть хорошие и плохие люди. Разве нет разбойников и воров среди франков?

– Ты прав. Они есть и у меня на родине, но поскольку я неплохо владею мечом, то и сталкиваться с ними в Шампани лично не приходилось. А вот купцы и прочие, менее воинственные сословия терпят от разбойников немало. У тебя хотели отнять именно то, что ты передал мне? – спросил магистр.

– Не знаю, но, скорее всего, именно так – размышлял иудей. – Возможно, они подслушали наш разговор у Голгофы и пришли к выводу, что я имею нечто весьма ценное.

– Думаю, они не знали истинную ценность вещи. Потому что вели себя как обыкновенные грабители. Я видел подобных лиц множество, когда провожал пилигримов по дорогам Палестины, – после недолгих размышлений пришел к выводу магистр. И, наконец, де Пейн задал вопрос, мучивший его с тех пор, как в руках оказался сверток, чудом спасенный из догорающей хижины: – Как попал к тебе Его хитон?

– Когда я представился Понтием, ты, вероятно, понял, что я имею отношение именно к тому прокуратору Иудеи...

– Понтий Пилат – это первое, что мне пришло на ум, – признался Гуго де Пейн. – Но слишком много прошло лет... Ни один человек, даже герцог или король, не может помнить свою родословную со столь седых времен. Сколько сотен царств возникло и погибло с тех пор, как Он принял свой крест на Голгофе!

– Прости, доблестный франк, но многие иудеи помнят историю своего рода и не за одну тысячу лет. Моему роду везло до нынешнего времени... Понтий Пилат действительно, мой далекий предок.

– Теперь понятно, почему глаза у тебя совсем не иудейские.

– Они достались мне от жены Пилата – Проклы; кстати, родилась она в твоих краях.

– А хитон? Его отнял твой предок у Господа перед казнью?! – в страхе предположил Гуго де Пейн.

– Нет. Все было совсем не так, – начал свой удивительный рассказ потомок самого известного римского прокуратора. – Понтий Пилат проявил малодушие и позволил иудеям обвинить (как ему казалось) их же собрата. Но когда свершилась казнь, прокуратор понял, что из-за того, что он не смог быть твердым, погиб невинный. Потом пришло осознание, что погиб не обычный смертный человек. Совершенная несправедливость страшным грузом давила Пилата. Его рассудок начал мутнеть. Закончилось тем, что прокуратор ушел в пустыню искать смерти.

– Я слышал много версий кончины Понтия Пилата, и все они ужасны.

– Не столь существенно как умереть, гораздо важнее, что мой предок нашел путь к Нему, и прежде, чем окончить земной путь, познал милость Бога.

– Хитон – это и есть милость Его, – догадался Гуго де Пейн.

– Скорее, это знак, что Понтий Пилат прощен, что за ним больше нет вины и нет больше причины искать смерти.

– Но каким образом хитон Его попал к твоему предку?

– Одежда осужденных на распятие досталась палачам. Что не делилось между ними целиком, то было разорвано на части. Только хитон Иисуса римляне не смогли разделить подобным образом. Несшитый хитон подарил Ему иудейский царь Ирод, он был из дорогой материи, и рвать ее ни у кого не поднялась рука. Последнюю одежду Иисуса отдали центуриону. А после того, как могила Казненного на третий день, как и было предсказано, оказалась пуста, центурион уверовал в Господа. Хитон римлянин отнес Марии – матери Иисуса.

Когда Понтий Пилат искал гибели в бесплодной пустыне, к нему во сне явился Иисус. Он велел идти в Эфес, найти Марию и взять у нее хитон.

– Дева Мария отдала последнюю одежду Сына Человеческого Понтию Пилату?! – изумился тамплиер.

– Да. Она как будто ждала его, чтобы сделать это. После долгих скитаний Пилат стал совсем другим человеком. Тебя, Гуго, интересовала кончина прокуратора – он, как и многие римляне, стал жертвой подозрительного, жестокого и трусливого императора Тиберия. До императора дошли слухи, что Понтий Пилат ведет себя совсем не так, как подобает прокуратору Иудеи. Несколько доносов было достаточно для вызова моего предка на остров Капри, где поселился Тиберий, а это было равносильно смертному приговору. Но император долго не мог отдать роковой приказ; как только его взгляд останавливался на хитоне, исчезали все бешенство и ненависть. Наконец Тиберий понял причину собственного бессилия, хитон похитили, а Понтию Пилату палач отрубил голову.

– Если б хитон оставался с твоим предком, он избежал бы казни? – предположил Гуго де Пейн.

– Как сказать... Все мы смертны на этой земле, всем рано или поздно придется умереть. Но Господь милостив: каждому Он дает возможность и время заслужить вечное блаженство в Царстве Божьем. Мой предок воспользовался данной ему возможностью, он принял знаки Божьи и удостоился самого великого подарка Господа. А сколько ему было суждено прожить после того, как он нашел путь к Богу, на самом деле неважно.

– А что же хитон? Бесценная одежда оказалась в руках Тиберия?

– Да. Император убедился в ее чудесном действии и пытался излечить многочисленные свои болезни. Но как только хитон касался тела императора, ему становилось только хуже. В ярости Тиберий приказал сжечь одежду, которая отказывалась исцелять. Язычник, которому было поручено бросить ее в костер, в последний момент заменил хитон Спасителя римской туникой. Бедняга, рискующий своей жизнью, надеялся спасти с помощью хитона свою жену, но чуда вновь не случилось.

– И все же язычник не уничтожил одежду, коль и ему она не принесла пользы? – нетерпеливо спросил Гуго де Пейн.

– Как сказать... Пока римлянин в недоумении решал: как ему поступить с хитоном, его разыскала подруга Проклы – жены казненного прокуратора Иудеи. Она выкупила последнюю одежду Спасителя за огромные деньги и вручила ее вдове Понтия Пилата. От нее Хитон перешел к дочери, родившейся уже после смерти прокуратора Иудеи. Мария – такое имя было у дочери Пилата – вышла замуж за иудея. Так потомки благородного римского всадника стали иудеями. Тем временем началось иудейское восстание. Окончилось оно уничтожением храма и самого Иерусалима вместе с жителями – иудеи сполна заплатили за то, что отправили на Крест Спасителя. Хитон спас семью Пилата во время падения последнего оплота восставших евреев

– Масады. Их – единственных выживших – забрал в Рим знаменитый древний автор – Иосиф Флавий. Он покровительствовал моим предкам вплоть до самой своей смерти, а после нее они уже не нуждались в покровительстве. Потомки Пилата занялись торговлей, разбогатели и даже снабжали предметами роскоши императорский двор.

Все было хорошо до 410 г., когда Рим захватили жадные до добычи готы. Золото имеет огромную власть в этом мире. Благодаря сверкающему металлу моим предкам удалось покинуть Рим еще во время осады. На корабле, нагруженном самыми ценными вещами, все огромное семейство направилось в Иерусалим, где для подобного случая был приобретен дом и некоторые земельные владения. Мои предки были предусмотрительными людьми, но у Неба иногда имеются свои планы на жизни и судьбы смертных.

Спасшиеся из горящего Рима потомки Пилата короткое время радовались своей великой удаче. В прибрежных водах Кипра налетевший ураган превратил судно и имущество пассажиров в груды плавающих обломков, а копленные столетиями сокровища первыми отправились к рыбам, хотя им вместо сундука с денариями и сестерциями приятнее было бы получить горсть дождевых червей. Погибли раздавленные частями корабля даже те члены моей далекой семьи, что умели плавать. Только одному Элеазару удалось спастись, добравшись вплавь до острова. На нем был хитон Спасителя.

Устроившись гребцом на корабле, моему единственному родственнику, спустя несколько месяцев после катастрофы, посчастливилось оказаться в Иерусалиме. Имущество семьи позволило ему неплохо устроиться на земле предков. Немолодой уже Элеазар женился на еврейской девушке, которая родила дочь, а через год сына. Так мой род был спасен, и снова все семейство благодарило хитон Иисуса.

Однако прежнего могущества и многочисленности моя семья уже не достигла. Во времена владычества восточных ромеев, Иерусалим был одним из величайших городов империи, но вскоре мир утратил покой. Чужие народы, не ведающие нашего Бога и Сына Его, много раз вторгались в Иерусалим, оставляя после своих визитов разрушение, боль и кровь. Сначала были персы, потом Палестину захватили арабы. При разных халифах отношение к иноверцам было различным, но любви к евреям не испытывал никто из мусульманских властителей Иерусалима.

В последние столетия все мои предки имели только одного ребенка; казалось, что он рождался только для того, чтобы получить Хитон, родить наследника и на смертном одре передать ему священное одеяние. Только у моего прадеда явилось на свет три сына. Традиция рода, кажется, изменилась к лучшему; сыновья подрастали, но тут настали черные времена халифа Хакима. Сей владыка Востока с невероятной ненавистью относился ко всему, что не имело отношение к пророку Мухаммеду и его вере. Он приказал сравнять с землей Храм Гроба Господня и часовню на Голгофе – то свершилось в 1009 году по Рождеству Христовом. Все не подвергшиеся разрушению церкви, монастыри обращались в мечети или конюшни. Христиане Святой земли единственное спасение видели в принятии мусульманства.

Тогда погибли два сына моего прадеда, а с третьим – моим дедом – предок отправился в Рим. В Италии мы жили последние сто лет – там родился мой отец и я. Моя семья не бедствовала на новом месте, но самого главного не обрела. Мы с женой не смогли родить наследника. Жена представляла, что значит для нас хитон и как важно его передать новому поколению, и страшно переживала из-за этого. Потому, наверное, и преждевременно оставила этот мир.

Страдали и мы с отцом. Но тут пришла весть, что христиане пошли отнимать у иноверцев Святую землю, а скоро весь Запад праздновал обретение Гроба Господнего. Отец решил, что нужно отправляться в Иерусалим, к святым местам, а там Небо должно подсказать, как распорядиться хитоном Спасителя.

Почти все деньги мы потратили, чтобы купить места на корабле – они были слишком дороги, потому что множество пилигримов устремилось в Иерусалим. Отец вскоре умер, а я

почти ежедневно ходил к Голгофе. И только когда встретил тебя, понял, зачем я это делал. Я убедился, что пришел человек, которому необходимо передать хитон. И теперь моя душа спокойна.

– Ты желаешь оставить тамплиерам хитон Спасителя, хранившийся в твоей семье множество столетий?!

– Я передаю его тебе, а ты распоряжайся им по собственному усмотрению. Я верю, что он окажется в надежных руках.

– Но, может быть, ты родишь наследника – ведь ничего не поздно, пока мы живы.

– Нет. Довольно хитону Спасителя храниться у одного-единственного человека; это, по меньшей мере, несправедливо. И то, что у меня нет наследника – тоже знак, что пора отдать святыню людям.

– Ты можешь владеть хитоном до своей кончины, распорядившись им в завещании, – Гуго де Пейн долго не решался принять бесценный дар.

– Нет. Ты же видел, что мы едва не лишились реликвии нынешней ночью. Только чудом она не погибла в огне, затем ее почти отняли грабители, для которых хитон, скорее всего, явился бы простой одеждой.

– Что для тебя сделать, мой добрый друг? – расчувствовался магистр, что даже смахнул слезу. – Слова благодарности здесь слишком незначительны, а деньги... эта вещь бесценна. Во всем мире нет денег, чтобы оценить хитон Спасителя.

– Ты правильно заметил: хитон принадлежит Иисусу, и перед Ним тебе держать ответ, Его благодарить.

Магистр не спешил явить бесценный дар иудея даже братьям-тамплиерам. А поскольку рыцари ничего не ведали о хитоне, то и продолжали изредка бросать косые взгляды на поселившегося среди них странного иноплеменника. На третий день Понтий объявил де Пейну, что собирается уходить.

– Куда? – удивился магистр. – Твой дом сторел дотла.

– Я еще не решил, но уйти мне необходимо. А Господь позаботится о хлебе насущном и крове для меня, как заботится о птицах небесных и зверье всяком.

– Тебя обидел кто-то из братьев, либо не понравилось жилище. Прости, но точно такая же келья у меня.

– Нет, нет. Все замечательно, – запротестовал гость. – Просто я желаю уйти, потому что орден и я – это разное, и мое место не здесь.

– Хорошо, – не стал переубеждать друга тамплиер, – но ты уйдешь не сегодня, а завтра – как велел врач.

На следующий день, как только Понтий засобирався в дорогу, появился магистр с походным мешком.

– Здесь немного еды, питье и сменная одежда для тебя.

– Спасибо, Гуго, – смущенно произнес Понтий, но от предложенного отказываться не стал, дабы не пререкаться по пустякам.

Они вышли за ограду. Мешок с продуктами нес настоявший на этом магистр.

– Тебе в какую сторону, Понтий?

– Пока не знаю...

– Поскольку для тебя не имеет большого значения, по какой дороге идти, я предлагаю вот эту с тенистыми пальмами.

– Хорошо, – согласился Понтий. – Пожалуй, она лучшая из всех.

Шагов через триста Гуго де Пейн указал на небольшой уютный домик, утопавший в виноградной лозе.

– Давай-ка зайдем сюда, – предложил магистр.

Желание тамплиера немного удивило иудея, но никаких вопросов он задавать не стал, и покорно пошел вслед за другом. Понтий не отличался излишней любознательностью; он никогда не приставал с расспросами и предпочитал ожидать, когда собеседник сам откроет то, что сочтет нужным, либо ситуация прояснится сама собой. Тем временем оба вошли в дом. Жильцов в нем не оказалось, но везде царили чистота и порядок. Дом был обставлен необходимой мебелью. Но пустые полки свидетельствовали о том, что он необитаем. Магистр положил на сундук мешок и присел на скамью.

– Гуго, зачем мы здесь? – Иудей изменил своей привычке и задал вопрос, полный недоумения. Он уже понял, что дом не имел жильцов, и ожидать, соответственно, кого-то не имело смысла.

– Нравится ли тебе этот дом?

– Он вполне хорош, особенно приятно, что много зелени вокруг. В Иерусалиме с трудом можно найти подобный оазис. Но зачем тебе мое мнение? Так ли оно важно?

– Твое мнение имеет первостепенное значение. Этот дом принадлежит ордену тамплиеров и предназначен для тех, кто оказывает ордену различные услуги. Орденский совет вчера принял решение: передать сей дом тебе в пожизненное владение.

– У меня нет заслуг перед орденом, которые были бы равнозначны этому прекрасному дому.

– Я рассказал на совете о твоём бесценном подарке... Все братья преобразились, когда увидели Его хитон, даже самые суровые сердца наполнились добротой, любовью; и все единогласно решили, что взамен сгоревшей хижины ты должен получить другое жилище.

– Да нет, магистр, заслуги моей в том, что святыней теперь владеет орден. Если бы не ты да брат Годфруа, хитон бы достался местным разбойникам.

– Понтий, решение совета не может обсуждаться, и даже я не могу ничего изменить. – Таким способом магистр закрыл тему, но, понимая, что приказа не достаточно для совестливого иудея, приступил к убеждению: – Дело в том, что мне и ордену необходимы твои великолепные знания далеких событий, происходивших на Святой земле. Я хочу продолжить раскопки у Голгофы и на месте Иерусалимского храма – где сейчас нашел приют наш орден. Однако только ты сможешь разобраться в находках, рассказать о них, без тебя, я уверен, мы упустим все действительно ценное. Ведь для рабочих цену имеет только золото и серебро.

– Хорошо, мой добрый друг. Я принимаю щедрый дар ордена, коль мне действительно некуда идти, – согласился Понтий. – И все же я надеюсь, что не являюсь твоим рабом и мне будет позволено покинуть сие жилище, как только возникнет необходимость.

– Хотелось, чтобы это случилось как можно позже, – искренне пожелал магистр. – Разумеется, ты полностью свободен в своих действиях. Только одна просьба: обязательно зайти попрощаться со мной, как решишь исчезнуть на какое-то время. А то я буду очень волноваться и тратить много времени и сил на твои поиски. Ты стал для меня братом, а терять брата всегда больно.

– Договорились.

Иудей и франк, оба расчувствовавшиеся, крепко обнялись – как самые настоящие братья, и даже уронили на одежду друг друга по скупой мужской слезе.

Письмо царя Соломона

Теперь Гуго де Пейн не часто занимался раскопками. Его несколько выросший орден отнимал почти все время. Тамплиеры исполняли обязанности, ради которых они и появились в Палестине: постоянно отряды братьев отправлялись сопровождать группы мирных пилигримов, либо охранять путь к святым местам.

И еще одно обстоятельство препятствовало любимому делу магистра. Земля, на которой стоял храм, явно не желала пускать чужеземцев в свои недра. Сняв верхний слой земли на локоть-два рабочие неизменно натыкались на гигантские плиты, валуны; их пытались обойти, но тут же натыкались на такую же неодолимую преграду. Вначале магистр приказал все оставлять в целом виде, но любопытство со временем оказалось сильнее желания сохранить нетронутым материал, служивший для постройки храма. Камни начали разбивать на части, но тут собралась огромная толпа иудеев, некоторые начали бросать в рабочих булыжники.

– Что возмутило твоих соплеменников? – спросил тамплиер Понтия, когда рабочие укрылись за стеной, а стража отогнала озверевших иудеев.

– Нельзя трогать место, где стоял храм, и даже издавать громкие звуки. Когда строился храм, то не было столько шума, как от твоих рабочих. Во времена Соломона камни обрабатывались в месте их добычи, и в готовом виде доставлялись к Храмовой горе, так что ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно при строительстве храма.

Чтобы не злить иудеев, магистр велел прекратить раскопки на храмовой территории и разравнять землю, где велись работы. Узрев привычный ландшафт Храмовой горы, местные обитатели успокоились.

Только один раскоп продолжался несколько лет. Во дворе жилища тамплиеров рабочие медленно углублялись и углублялись в недра земли. Чтобы шум не смущал коренных жителей Иерусалима, вокруг котлована возвели стены и поставили крышу из сплошных свинцовых листов. Отныне работать можно было при любой погоде, не опасаясь мести иудеев. Каждый предмет – будь то глиняный черепок, камень, кирпич, осколок римской мраморной колонны или кусок металла – тщательно обследовался со всех сторон.

Добытый подобным образом камень шел на пристройку к помещениям, первоначально выделенным королем для первых рыцарей Храма. Собственно, пристройка получалась раза в три больше занимаемых тамплиерами помещений в Храме.

В один прекрасный день хаотично наваленный строительный мусор в раскопанном колодце закончился, но это не обрадовало искателей древностей. Наоборот, им не повезло ужасно. По чистой случайности они натолкнулись на массивнейший фундамент – основание библейского Храма Соломона.

Гуго де Пейн несколько дней не мог решить, как поступить. Пришлось, как всегда, спрашивать совета у Понтия. Вдвоем они зашли в помещение, специально построенное для раскопа. Магистр взял в руки заготовленный фонарь, поджег фитиль от факела услужливо поданного работником. Спустившись вниз по длинной лестнице, де Пейн не удержался от изумления, хотя спускался сюда не в первый раз:

– Не понимаю, сколько сооружений могло быть на этом месте?! Откуда в земле столько следов грандиозной человеческой деятельности, ведь эта лестница высотой в два дома, поставленных один на один! Мои рабочие потратили целый год, чтобы добраться до фундамента храма, который, как ты утверждаешь, построил царь Соломон.

Понтию довелось отвечать, стоя на лестнице, поскольку изумленный магистр не торопился отойти в сторону, чтобы позволить другу спуститься на каменную кладку.

– После того, первого, храма, построенного Соломоном и разрушенным полторы тысячи лет назад вавилонским царем Навуходоносором, существовал еще один. Второй храм был уни-

чтожен legionерами Тита вскоре после земной жизни Христа, то есть тысячу лет назад. Потом на месте Храма Соломона римляне воздвигли языческое святилище Юпитера. Иудеи, не смогишие смотреть на такое святотатство, восстали и выбросили статую императора Адриана из храма Юпитера. Само же языческое святилище объявили временным храмом. Восстание римляне подавили, и храмовая гора вновь сменила хозяина. Спустя двести с лишним лет римский император Юлиан Отступник начал возвращать культы, – где какие были. Иудеям было решено вернуть их древний храм. Юлиан начал даже строить его, но вспыхнувший в одну из ночей пожар поглотил и заготовленные материалы, и основание сооружения. Начинать все заново было некому – язычник Юлиан погиб в бою, а у следующего императора-христианина были совершенно другие планы и предпочтения. Во времена владычества восточных ромеев Храмовая гора и вовсе была превращена в свалку.

– Поразительно, сколько событий произошло на этом месте! – воскликнул Гуго де Пейн.

– Если ты не сдвинешься немного в сторону, то произойдет еще одно событие: уставший еврей свалится на голову Великого магистра ордена Храма. На этой узкой скользкой ступеньке стоять не слишком удобно.

– Прости, дорогой друг. – Магистр сделал два шага в сторону – именно столько позволяло свободное пространство.

Наконец и спутник магистра ступил на тщательно расчищенное дно рукотворной пропасти и принялся внимательно осматривать более-менее сохранившуюся часть легендарного Храма Соломона. Понтий долго и внимательно ощупывал руками всю поверхность раскопанных камней.

– Ну, что ты посоветуешь? – потерял терпение магистр. – Засыпать и начать раскопки на новом месте?... После стольких месяцев невероятных трудов.

– Видишь, фундамент перерезала трещина – вероятно, от землетрясения. На этом месте, возможно, будет возведен новый храм, потому что согласно пророчествам евреи обязаны воздвигнуть третий храм. Но этот фундамент не пригоден для нового грандиозного сооружения. В других местах также будут трещины, кладку во многих местах повредил грандиозный пожар, бушевавший во время штурма города римскими войсками Тита.

– Но трогать камни, уложенные две тысячи лет назад царем Соломоном... – продолжал сомневаться в правильности дальнейших действий магистр.

– Их все равно придется все извлекать, когда сбудется пророчество о третьем храме, – убеждал Понтий. – Опять же, в основание зданий иудеи часто закладывают некоторые сведения о сооружении.

– Было бы очень интересно отыскать письмена, оставленные Соломоном, – позабыл о недавних страхах Гуго де Пейн.

– Почему бы и нет, – поддержал надежду друга Понтий. – Кажется, мы вышли на один из углов храма. Под ними обычно древние строители и оставляли подарки для потомков.

– Опять же, строительство пристройки не закончено, и это дело требует огромного количества камней, – продолжал убеждаться тамплиер в необходимости дальнейших раскопок. – И мне хотелось бы добраться до подземного источника, колодец был бы совсем не лишним.

– Ну, это уж вряд ли тебе удастся. – На этот раз Понтий разочаровал крестоносца.

На следующий день работа на дне колодца продолжилась; и велась она еще целый год. И вот, наконец, все камни раздроблены и подняты на поверхность. Никакого послания не было найдено. Гуго де Пейн пригласил друга, чтобы показать ему результат раскопок.

– Работа еще не закончена. Мы стоим на подушке из песка, которую насыпали древние иудеи, прежде чем начать фундаментную кладку. Думаю, есть смысл извлечь песок до тех пор, пока мы не доберемся до земли, лишенной следов деятельности человека, – посоветовал иудей несколько разочарованному тамплиеру.

Расчистка дна колодца продолжилась. На пятый день магистр, в самом возбужденном состоянии, словно ураган, ворвался в хижину Понтия:

– Есть! Нашли камень с письменами!

От такого известия возбужденность магистра мгновенно передалась иудею. Он бросился к Храмовой горе, оставляя позади себя Гуго де Пейна.

Массивный камень уже вытащили на поверхность и смели с него песок. Иудейские слова сохранились на нем так отчетливо, словно были выгравированы вчера. Понтий, видевший множество камней с надписями, полуразрушенными лишайниками, дождем, солнцем и ветром, весьма обрадовался сохранности текста. Хотя это обстоятельство не должно было вызвать удивления, поскольку толща земли надежно сохраняла письмо на камне от всего, что могло его повредить. Вслух иудей удивился другому обстоятельству.

– Воистину мудр Соломон. Не для тех он оставил послание, что придут за камнями, но для тех, кто, убрав камни, будут искать знание! – восхитился далеким царем Понтий, хотя не меньшего уважения заслуживал и сам иудей, призвавший не останавливаться на извлечении камней фундамента.

– Мы нашли Скрижали Завета?! – высказал догадку тамплиер.

– Нет. Боюсь, Господь испепелил бы нас, если б это были они, – ответил Понтий.

– Но что же там?

– Будь терпелив. Язык Соломона несколько отличается от нынешнего, мне нужны время и тишина.

– Отнесите камень в мою комнату, – распорядился магистр.

Много времени образованному иудею не понадобилось.

– Ты благоразумно поступил, когда приказал убрать камень подальше от глаз людских. То, что на нем написано, может многое изменить в нашем мире. По крайней мере, мое представление о крае земли стало другим. Тебе решать, будут ли слова царя известны всему миру, либо останутся тайной немногих.

– Да что же там написано?! – Терпение магистра закончилось.

– Царя Соломона более всего волнует судьба созданного им детища, но людей будет интересовать совсем иное в его послании. «Ты читаешь мое письмо, значит, храм разрушен, – пишет он. – Надеюсь, коль этот камень увидел свет, то новый храм восстанет из праха. Нашедший мой камень, ты должен строить свой храм, и Господь поможет в делах твоих. Деньги на храм я, царь Соломон, взял в далекой, никому не ведомой земле. Плыть к ней надо семьдесят пять дней – туда, где солнце в конце дня соединяется с землей. Там много золота и серебра, там есть люди, и они не знают Бога».

Магистр прикоснулся к согревшемуся под иерусалимским солнцем камню и долго смотрел на непонятные иудейские письмена, словно пытаясь найти что-то, чего не досказал Понтий.

«Построить храм? Выполнить приказ царя, жившего почти две тысячи лет назад?! Царя иудеев... но он библейский царь, одаренный мудростью самим Господом... Для кого храм? Для иудеев?» – Мысли путались в голове Гуго де Пейна.

Монах из несуществующего монастыря

Послание царя Соломона отняло покой Гуго де Пейна если не навсегда, то надолго. Неведомая земля манила к себе в мыслях и часто приходила во снах. Какие-то совершенно непохожие ни на один народ – европейский или азиатский – загорелые мужчины и женщины собирали в плетеные корзины диковинные фрукты, когда у магистра смыкались глаза. Он видел в своих снах богатые города, видел рынки, на которых горами лежали украшения из серебра и золота.

Он еще сомневался в существовании земли на закате солнца и одновременно страстно мечтал достичь ее. Он лишь изредка думал о постройке храма – просьбе царя Соломона, магистр не был уверен, что камень послан далеким иудейским царем, но продолжал видеть во сне и наяву полные чудес далекие страны.

Гуго де Пейн понимал, что даже если б он был убежден в реальности приходящих к нему картинок, то чтобы все проверить, требуется снарядить хотя бы один корабль. И выдержать такое плавание способно самое лучшее судно, а не те, что возят пилигримов из Бриндизи в Палестину. Денег на предприятие не имелось. А потому магистр, чтобы немного отвязаться от мечтаний (не дающих покоя в любое время суток) занялся строительством.

Пристройка к Храму была закончена, и даже ее частично заселили новые братья. А подле дома магистр возводил часовню, посвященную Деве Марии. Так как почти все средства были потрачены, то и мечтать о далеких землях не имело смысла. Магистр вспоминал о письме Соломона все реже, однако неожиданный визит странного монаха заставил практичного де Пейна еще сильнее желать знакомства с землями, в существование которых не поверил бы ни один из его соотечественников.

Он пришел – древний, как сама земля, опираясь на посох, а второй рукой прижимая к груди книгу, еще более старую, чем он сам. Гость потребовал магистра (как он сказал: по важному делу). Братья, из уважения к его старости, не выясняли причины визита, а просто отвели его к Гуго де Пейну.

Магистр терпеливо ждал, когда необычный гость одолеет невысокий порог и присядет на предложенную скамью. Чтобы дело пошло скорее, де Пейн сам прикрыл за вошедшим дверь и придержал его под руку, пока тот сгибал непослушные ноги. Наконец старец поставил у скамьи посох, отполированный до блеска в месте, сжимаемом старческой рукой, и бережно положил перед магистром старинный манускрипт. Его обложка из прочной кожи была истерта почти до дыр в местах, за которые чаще всего брали книгу. Вверху обложки виднелся еле заметный оттиск креста.

– Что это? – спросил Гуго де Пейн, не решаясь прикоснуться к древнему манускрипту.

– Открой и все увидишь, – разрешил гость и наконец-то представился: – Меня зовут Иоанн.

Тамплиер осенил себя крестным знамением и взял в руки книгу. Много времени ему не понадобилось, чтобы разрешить загадку Иоанна:

– Я держу Святое Писание от благочестивого Луки.

– Именно так, – согласился старик. – Особенность этой Благой Вести лишь в том, что записал ее на языке римлян ученик Луки. Возможно, страниц ее касался сам Лука.

Перекрестившись еще раз, де Пейн бережно перевернул страницу.

– Странно, – воскликнул он, – пергамент, кажется, вот-вот рассыплется, а буквы яркие, словно их нанесли только вчера.

– Мне более ста лет. На моей памяти буквы всегда были такими, – ответил Иоанн. – Их можно видеть даже в полной темноте. Книгу я берег и открывал ее только раз в год – во время праздника Пасхи.

– Но как она к тебе попала?!

– Когда-то на въезде в Иерусалим, в том месте, где Иисус вошел в город, чтобы принять свой крест, стоял монастырь. Он был весьма небеден, так как мимо обители монахов шел непрерывный поток пилигримов. Излишние средства монахи тратили на покупку книг, причем собирали весьма дорогие. И если у кого оказывалась редкая книга, ее непременно несли в монастырь – будь то христианин или мусульманин – все получали хорошую цену. Так было до тех пор, пока не настали времена жестокого Хакима. Монастырь халиф приказал разметать до последнего камня. Монахов принуждали поклониться Магомету, кто отказывался – тут же рубили головы. Некоторым служителям монастыря удалось бежать, переодевшись, и раствориться в иерусалимских толпах.

– Печальная история, – сочувственно произнес Гуго де Пейн. – А что же богатейшая монастырская библиотека? Она погибла вместе с монастырем?

– Часть ее разделила участь монахов и самого монастыря. Свирепая толпа развела костер из бесценных фолиантов и жарила на нем баранину. Но мясо оказалось настолько невкусным, что его никто не стал есть. Аббат предчувствовал подобное варварство, и самые ценные книги велел моему отцу (который был монастырским послушником) перенести в дом своих родителей. Что юноша и сделал, а после всю жизнь печалился, что слишком мало спас книг.

– И они хранились в доме твоего отца более ста лет?

– Да. Вначале отец надеялся, что со смертью Хакима прекратится ненависть к христианам и монастырь будет восстановлен. Действительно, следующие халифы терпимее относились к иноверцам и даже позволяли восстанавливать разрушенные святыни. Но вот беда: из обитателей монастыря остался в живых только мой отец, и ему не удалось найти единомышленников. На склоне лет он не придумал ничего лучшего, как жениться. Господь простил ему этот грех и послал меня в утешение, а также для того, чтобы продолжать хранить монастырскую библиотеку. Отец опасался, как бы кто не проведал о хранящихся в доме книгах, а потому я не имел друзей и не женился. Я исполнил за отца его желание посвятить себя Богу, я исполнил обет отца, вернувшегося в мир людей. Целое столетие моим утешением был единственно Господь, моей единственной заботой – спасенная монастырская библиотека.

– Ты совершил великий подвиг! – восхищенно промолвил магистр. – Немногие согласились бы пожертвовать своей судьбой ради книг. Хотя, даже одно только слово Луки, переписанное его учеником, бесценно.

– Но более я не могу исполнять обязанности хранителя библиотеки. Час расставания с этим миром близок, а хозяин книг – монастырь – так и не возродился из праха подобно птице Феникс. Пришла пора искать нового хозяина для сокровищ людской мысли. Потому я здесь.

– Ты желаешь передать библиотеку уничтоженного монастыря ордену Храма? – еще не веря неожиданной великой удаче, спросил Гуго де Пейн. – Но что ты желаешь взамен, как прикажешь распорядиться переданной на хранение ордену библиотекой.

Старик искривил губы в некоем подобии улыбки:

– Не смеши, магистр, в моем возрасте желаний не имеют. Хочу лишь, чтобы люди читали и берегли книги.

– Будь спокоен, брат Иоанн, вход в библиотеку днем и ночью будет охраняться лучшими воинами ордена.

– Чудные времена твои, Господи! – воскликнул старик. – Гложет меня один вопрос. Позволь его задать, и прости, коль обижу.

– Разумеется, добрый брат, спрашивай.

– По всему видно, что вы – ревностные монахи: Господу нашему истово служите, и женщин при вас нет. Только почему с вами меч? Я привык, что оружием монахов были крест и слово Божие.

– Ничего не поделаешь, – виновато произнес Гуго де Пейн, – таковы времена. Вы ведь, братья-христиане, не смогли защитить монастырь одним только словом, и Храм Гроба Господнего не уберегли. Господь сказал: *«Не мир пришел Я принести, но меч»*.

– Ты прав, есть такие слова в Евангелии, – согласился старик. – По крайней мере, я вижу, что библиотека монастыря в сильных руках, и она снова будет служить людям. Отправь со мной человек десять братьев, дабы они перенесли книги, и я мог в покое оставить этот мир.

Магистр не только выделил необходимое количество братьев. Он выпросил у конюшего иерусалимского короля крытую повозку, на которой расположился сам вместе со стариком. Гуго де Пейн поступил весьма благоразумно, позаимствовав это средство передвижения, потому что Иоанн шел очень медленно, жил не близко от Храмовой горы, а книг оказалось огромное количество.

На прощание старик сказал магистру:

– Подозреваю, что ты, Гуго де Пейн, понимаешь: Господь не то сказал, что ты услышал. Если это так, на тебе большой грех. Если действительно ты принял сердцем слова Иисуса, как приказ «К оружию!», то моя обязанность напомнить заповедь Божью: «Не убей». Не мог Иисус дать меч, потому что есть он – орудие смерти.

Все привезенные сокровища отправились в недавно построенную библиотеку, в которой до сих пор находилось в основном только эхо. И, конечно, едва расположив книги на немедленно купленных полках, Гуго де Пейн поспешил поделиться нечаянной радостью с Понтием.

Обратно от дома Понтия магистр едва не бежал за иудеем, которому не терпелось познакомиться с библиотекой (теперь уже) рыцарей Храма.

Несколько дней Понтий не покидал библиотеки, совершенно не обращая внимания на непонимающие взгляды некоторых братьев, и отрывался от книг лишь для поддержания жизни. Он бы и о еде позабыл, но заботливый магистр всякий раз настойчиво приглашал друга к обеду и ужину.

Наконец Понтий решил поделиться своими открытиями с магистром:

– Помнится, ты выразил сомнение в существовании далекой земли там, где заходит солнце. Ты даже позволил мысль, что камень с посланием был либо шуткой Соломона, либо какого-то иного лица. Теперь я с уверенностью могу сказать, что напрасно ты разрешил поселиться в голове подобным мыслям.

– Так неведомая земля существует?!

– Да! И она огромна. Я нашел много свидетельств в пользу этого невероятного факта. Удивительно, мы знаем мир, сотворенный Господом, гораздо хуже, чем древние люди, не знавшие Творца.

– Понтий, ты открываешь мне глаза! Причем делаешь это постоянно! – воскликнул магистр в предчувствии интереснейших сведений. – Рад, что Господь послал тебя мне! Говори же!

– Среди прочих интереснейших книг я натолкнулся на труд Макробия, который был проконсулом римской провинции Африка. Видимо, у него была прекрасная библиотека трудов, созданных за сотни лет до него. Впрочем, учитывая высокую должность Макробия, не стоит удивляться его столь же широким возможностям... Короче говоря, он утверждает, что земля круглая – в форме огромнейшего шара.

– И ты этому веришь, Понтий?

– По меньшей мере, не могу отрицать такой возможности. Во многих древних трудах встречается это утверждение.

– Мне кажется, с шара все бы соскользнуло в океан. Не очень удобно ведь стоять на нем.

Рассуждения магистра могли бы вызвать улыбку просвещенного иудея, но тот лишь терпеливо разъяснил его заблуждение:

– Если шар маленький, то ты, Гуго, совершенно прав; но земля огромнейшая, и линия изгиба совершенно не чувствуется ни людьми, ни животными, она безопасна для построенных домов, храмов.

– Хорошо, давай вернемся к Макробию, – не согласился, но и не стал подвергать сомнению слова иудея де Пейн. Ему в данный момент хотелось вернуться к земле Соломона – плоской или круглой – это не столь важно.

– В труде проконсула я нашел две карты. Если хорошо присмотреться, то на одной можно обнаружить Европу, Африку, Азию, а какая земля была изображена на второй карте, я долго не мог понять. Но после прочтения труда Макробия, я понял, что изображенная на второй карте земля находится на обратной стороне шара.

– Так она на закате солнца, как писал Соломон, или нет? – не совсем понял Гуго де Пейн.

– Именно так. Если плыть строго на запад, то непременно достигнешь земли со второй карты Макробия, – убежденно промолвил Понтий. – Послушай, как этот римский автор описывает строение нашей земли: «Земля охвачена и окружена как бы поясами, два из которых, наиболее удаленные один от другого, скованы льдами; средний же и наибольший пояс высушивается жаром Солнца. Два пояса обитаемы; из них жители южного обитаемого полюса, ступая, обращены к нам подошвами ног, не имеют отношения к нашему народу...»

– В Палестине действительно жарче, чем во Франции; говорят, к северу от Франции есть места, где круглый год земля покрыта льдом, – размышлял Гуго де Пейн, извлекая из складок ума знания, когда-либо слышанные, и собственные наблюдения. – Интересно, эту землю на противоположной стороне от нас, древние люди видели, или это только догадки Макробия?

– Макробий сделал свои выводы, опираясь на какие-то расчеты, но, похоже, не только корабли Соломона достигали неведомой земли. Еще один древний автор – Диодор Сицилийский – описывает обнаруженный на западе после многих дней плавания огромный остров. На нем много судоходных рек, плодородные почвы, земля покрыта прекрасными садами и рощами со сладкой водой, есть города и роскошные дворцы.

– Все же, Понтий, нам необходимо проверить сведения из книг, которые попали к нам самым чудесным образом. Не хватает сущей безделицы – денег, для того чтобы снарядить корабль, способный доплыть до неведомой земли и вернуться назад.

– На все воля Божья, – смиренно ответил Понтий.

Путь пилигримов

Когда Понтий находился в библиотеке, ничто не могло потревожить его слух, Гуго де Пейну приходилось слегка толкать его, прежде чем произнести приглашение к обеду. На этот раз грохот, стоявший снаружи, заставил Понтия отложить очередной бесценный фолиант и открыть дверь библиотеки, дабы посмотреть, не рушится ли мир за ее пределами.

Мир стоял, как и прежде, но тамплиеры собирались в поход. Рыцари Храма дружно облачались в доспехи, производя этими действиями изрядный шум.

– Я с большинством братьев ухожу с пилигримами, будем защищать их до границы с державой ромеев, – объяснил происходящее Гуго де Пейн. – Ты, Понтий, работай в библиотеке, как и прежде.

– Пожалуй, я подожду твоего возвращения у себя дома, – произнес Понтий. Ему не очень приятно было наблюдать косые взгляды, которые были особенно косыми в отсутствие магистра. И свое решение иудей подкрепил вполне правдоподобным объяснением: – Моим глазам требуется отдых.

Для тамплиера причина не показалась убедительной:

– Одного дня вполне достаточно для отдыха глаз, а потом, надеюсь, ты снова займешься книгами. Как видишь, я не смогу их прочитать в ближайшие десятилетия, и важнейшие сведения могут стать добычей моли или мышей. Ты уже нашел много интересного, и еще больше новостей жду от тебя после окончания моей миссии. – В заключение магистр постарался развеять сомнения иудея: – Все остающиеся братья предупреждены, что ты можешь посещать библиотеку в любое время – хоть ночью. Любой из них будет рад оказать тебе помощь, если потребуется.

– Хорошо. И у меня будет просьба, которую ты, соответственно, должен выполнить.

– Все, что пожелаешь, – поспешил согласиться магистр, – твои просьбы никогда не были обременительны. Более того, они всегда шли мне на благо.

– Ты должен одеть хитон, – произнес просьбу иудей, должным образом подготовив для нее почву.

– Ты в своем уме: столь невероятное сокровище брать в опасный поход! – ужаснулся Гуго де Пейн.

– Так, значит, я не ошибся, ты идешь навстречу опасности, – убедился Понтий в правильности своих выводов. – Поверь, Гуго, именно для подобных случаев и дал Иисус хитон Понтию Пилату. Его надевали все мои предки, когда существовала угроза жизни.

– Я верю в доброту и силу Господа, верю, что Он меня защитит. Но не могу облачиться в одежду, которая была на Спасителе...

– Я тебе объяснил необходимость этого поступка. – Понтий посмотрел на готовых к походу рыцарей и понял, что у него мало времени. Потому не оставил магистру выбора: – Ты обещал исполнить мою просьбу. Не надо говорить, что не знал, о чем будет речь, что я тебя обманул. Тебя никто не заставлял давать согласие. Теперь поздно. Идем надевать!

Во главе паломников стоял нищий рыцарь из Прованса. Он представился магистру Беренгаром и, как полагалось рыцарю, прибавил название деревни, ему принадлежащей. Название ее Гуго де Пейн тут же забыл, а спрашивать второй раз посчитал неудобным. Если б магистр знал, насколько этот рыцарь окажется ему полезным, то был бы внимательнее при первой встрече.

Собственно, внешний вид Беренгара не предполагал уважительного отношения к нему. Наряд его, вероятно, даже в Провансе не слишком отличался от крестьянского, а за время долгого пути к святым местам и вовсе превратился в одежду нищего бродяги. Коня рыцарю

пришлось продать в Марселе, когда садился на корабль, так как денег хватило лишь на то, чтобы оплатить собственный проезд.

Из всего рыцарского вооружения при нем имелся только меч, судя по истертой рукояти, произведенный задолго до рождения Беренгара. Зато рыцарь тащил на себе (оруженосца при нем не было и подавно) огромный мешок, наполненный хлебом, сухарями, вяленным мясом, сушеной рыбой.

Хотя если судить по содержимому походных мешков (а именно оно в данный момент имело истинную цену, а не имущество в далекой Франции), то рыцарь без доспехов был самым богатым человеком в этом караване из двух сотен пилигримов. Гуго де Пейну предстояло вести в сторону Европы тех, кто был не в состоянии оплатить место на корабле; отсутствие денег невольно обрекало несчастных на тяжелейший и опаснейший сухопутный путь. У большинства этих мужчин, женщин и детей не осталось средств даже на еду, и надеяться они могли только на чудо. Впрочем, пилигримов не слишком заботило будущее; они поклонились важнейшим христианским святыням и были уверены, что совершили самое главное дело на земле. Дальнейшую свою судьбу пилигримы вручили в руки Господа, потому что сами вернуться на родину уже не могли.

О не имеющих и крохи хлеба заботился рыцарь, который ради товарищей стал беднее тамплиеров, впервые вступивших на землю Палестины. У тех был один конь на двоих, а Беренгар продал доспехи – тем более дорогие, что достались ему от почившего отца – и на все вырученные деньги накопил самой простой еды. Однако сам ел только сущую малость, чтобы поддерживать силы, которые нужны были для защиты бредущих рядом пилигримов. В пути он щедро раздавал свои припасы тем, кто не в состоянии был их купить.

Земля Палестины знала много примеров величайшего самопожертвования, но также она видела подлость и алчность. В святых местах все происходило, как и везде в мире, разве что, истинные чувства, движущие людьми, здесь были как на ладони – как будто поступки человеческие имели одежду первых людей Божьих, еще не вкусивших запретного плода.

Вначале дорога пилигримов шла по землям Иерусалимского королевства – собственно, узкой и длинной полоске, прижавшейся к морю. Здесь им на пути встречалось множество городов, недавно отстроенные замки баронов, крестьянские селения, обработанные поля; в общем, все было как во Франции, только, разве что солнце светило ярче и грело жарче. Население благожелательно было настроено к людям, пришедшим поклониться Гробу Господнему. Главное для Гуго де Пейна: дорога была безопасна, и его подопечные могли спокойно любоваться живописными окрестностями. Столь же благополучно караван прошел по землям графства Триполи.

Антиохийское княжество не отличалось тем привычным уютом, что паломники находили в Иерусалимском королевстве: здесь на многие мили не виделось человеческого жилья, движение затруднял сыпучий песок. Хотя княжество было христианским государством, но сами христиане редко встречались на пути каравана. Иногда появлялись сарацины – от одного человека до несколько десятков воинов: возможно, соглядатаи, а может, и разбойники – вооружение у всех было примерно одинаковое. Они не нападали: во-первых, между христианами и мусульманами был заключен мир и обе стороны старались его соблюдать; во-вторых, разбойничьи отряды опасались воинственных тамплиеров, не единожды их бивших. Но вот караван Гуго де Пейна натолкнулся на препятствие, которое не желало уступать дорогу.

Впереди стоял отряд из десятка рыцарей и человек пятидесяти кнехтов. Судя по одежде и вооружению, то были христиане, но почему-то они изготовились к бою, и копья были направлены в сторону толпы еле бредущих пилигримов. Немногочисленность возникших на пути воинов все же не заставила магистра потерять бдительность. В них чувствовалась безупречная

воинская выучка, а вооружение рыцарей стоило, по меньшей мере, стада из 45 коров – именно во столько и обходилась в среднем экипировка рыцаря.

Гуго де Пейн приказал своему каравану остановиться, чтобы смогли подтянуться отставшие пилигримы. К нему подъехал Беренгар и пояснил:

– Это Черный Рыцарь Пустыни – так он себя называет.

– Он кто: христианин? Мусульманин? Чего можно ожидать от его воинов?

– Ничего хорошего, хотя матери и крестили их в христианских храмах. Это норманны из Южной Италии. Поклоняются они не Магомету и не нашему Господу, а золоту и тем удовольствиям, что можно за него купить. Некоторых паломников из нашего каравана норманны ограбили еще по пути в Палестину, и теперь у этих несчастных нет даже куска хлеба. Однако в храбрости воинам Черного Рыцаря не откажешь, будь с ними осторожен.

Рыцарь в черном плаще не намеревался ждать, пока пилигримы соберутся в одну толпу, которую легче было бы, по крайней мере, защитить. Воин пустыни направил коня в сторону магистра. Подчиненные потянулись вслед за командиром.

Гуго де Пейн, чтобы показать свое миролюбие, снял шлем и передал его слуге.

– Приветствую тебя, Черный Рыцарь Пустыни! – произнес магистр и представился: – Я Гуго де Пейн, сопровождаю с братьями ордена Храма пилигримов, идущих из святых мест на родину.

Рыцарь в черном плаще шлем снимать не стал, но остановил коня и убрал руку с меча.

– Да будет тебе известно, Гуго де Пейн, что я строю в этих местах замок, который послужит защитой для пилигримов, держащих путь в Иерусалим. Строительство – дело затратное, и приходится просить идущих по этим местам пожертвовать что-нибудь на богоугодное дело.

– И сколько ты хочешь взять с этих нищих людей. – Магистр бросил взгляд на собиравшихся в толпу перепуганных пилигримов.

– Пусть дадут, сколько смогут, – предложил Черный Рыцарь и кивнул в сторону своих воинов. – Если мои казначеи признают собранную сумму достаточной, твои пилигримы смогут в безопасности продолжить свой путь.

– Разве ты не видишь, что они едва не умирают с голоду?

Рыцарь Пустыни рассмеялся:

– Еще ни один странник, бредущий через эти края, не сказал, что он сыт, богат и доволен жизнью. Однако ж строительство моего замка должно быть завершено.

Магистр, утомленный жарой, попытался расслабить нагрудник; из-под него выглянула полоска белоснежного хитона:

– Если б ты заботился о христианах, то помог бы мне довести этих пилигримов, по крайней мере, до владений ромеев. А я, после того как обеспечу их едой на несколько ближайших дней, смогу оставшиеся при мне деньги пожертвовать на строительство замка, – пообещал Гуго де Пейн.

Как ни странно, Черный Рыцарь Пустыни без спора согласился на это предложение. Магистр опасался какого-нибудь подвоха от рыцарей с повадками разбойников, однако новый спутник шел со своими людьми впереди каравана и не делал никаких попыток приблизиться к паломникам.

Через две мили караван Гуго де Пейна прошел мимо строящегося замка. По тому, что Черный Рыцарь отделился от воинов и принялся осматривать стройку, можно было с уверенностью предположить, что это и есть жилище, на которое взимались со всех прохожих деньги. Впрочем, особых средств на него не требовалось, так как строили крепость пленные сарацины, некоторые с исполосованными в кровь спинами. Рядом ходили воины с кнутами в руках и при малейшем подозрении на лень или неаккуратность в работе пускали их в дело.

Замок получался в виде одинокой башни; не занимая много территории, он устремился ввысь. Хотя до завершения стройки было далеко, он уже мог принять воинов и служить для

них защитой. Малая площадь позволяла в короткий срок возвести стены, а развернуть широкое строительство могли не позволить соседи-сельджуки. Приличная высота стен также была кстати: с верхнего этажа, словно из орлиного гнезда, великолепно обозревались окрестности.

Дав несколько указаний и собственноручно отстегав плеткой сарацина, уронившего кувшин с водой, Рыцарь Пустыни вернулся к своим норманнам. Впрочем, недолго они исполняли обязанности проводников в надежде получить от Гуго де Пейна непонятное количество монет. Вдали показался пыльный шлейф; всадники пустыни прекрасно знали, что его может оставить только торговый караван, они по столбу пыли могли даже определить примерное количество людей и верблюдов.

Норманны по-английски отсоединились от Гуго де Пейна, как только запахло более существенной добычей.

– Беренгар, поторопи отстающих, – попросил магистр. – Кажется, у нас могут быть неприятности.

– Насколько я знаю, у Иерусалимского короля и князя Антиохии мир со здешним правителем, – с надеждой промолвил нищий рыцарь.

– Совершенно точно, – согласился де Пейн, – однако норманны, по-видимому, умчались грабить мусульманский торговый караван. Скорее всего, эмир Алеппо пожелает рассчитаться за такую дерзость. На нашу беду норманны слишком быстро передвигаются, у них имеется надежное укрытие, чтобы переждать первую ответную волну ярости. А вот мы, если не поспешим достигнуть киликийского прохода, можем ответить за дерзость Черного Рыцаря Пустыни.

Через немного времени пилигримов ожидало страшное зрелище: множество трупов сарацин валялись там, где их настигла смерть; десятка полтора раненых корчились в муках – одни из них взывали о помощи, другие просили верным ударом меча прекратить их мучения. Не меньше жалости вызвал верблюд с распоротым животом: он хрипел, слезы обиды катились из его глаз, словно это было существо с человеческой душой.

Среди пилигримов нашлись несколько человек, которые были знакомы с искусством врачевания. Кому-то из раненых остановили кровь, у одного достали из руки арбалетную стрелу, прочим перевязали раны, а безнадежного изрубленного на куски, но еще дышавшего мусульманина накрыли плащом, чтобы уберечь от насекомых, облепивших его раны. Всех раненых забрали с собой, надеясь оставить их в ближайшем селении. Время, которое пилигримы потратили на заботу о пострадавших сарацинах, дорого им обойдется.

Уже были видны между двумя скалами природные ворота в Киликию, на стенах крепости, сторожившей вход в ущелье, явственно виднелись, словно муравьи, бегающие армянские воины. Но между горным краем и караваном пилигримов, поднимая гигантский столб пыли, врезалась мусульманская конница.

– Надо сарацинам сказать, что мы не виновны в гибели их соотечественников, – слышались растерянные голоса среди пилигримов. – Мы же помогли им... Несем на плечах их братьев...

Но бесполезно было надеяться, что чей-то голос будет услышан. Мусульмане собирались для атаки, а наиболее ретивые подняли копья, обнажили мечи и летели на христиан, особенно ненавистных сегодня. Магистр отдал приказ «К бою!» и сам встал во главе клина рыцарей. Вовнутрь его спрятались легковооруженные кнехты и, сколько смогли, поместились пилигримы.

Мусульманская ярость оказалась бессильной перед закованными в железо вместе с лошадьми рыцарями. Клин тамплиеров разрезал тучу мусульман, словно острый нож перезревший плод. Особенно им доставалось от 53-летнего магистра. Гуго де Пейн и сам не ожидал от себя такой прыти. Когда его конь сделал первый шаг навстречу мусульманской лаве, у магистра мелькнула мысль: если его убьют или ранят, то будет безнадежно испорчен бесценный хитон. И он рубил мечом всех, кто оказывался в пределах его досягаемости. За магистром лежала целая

просека, а он двигался вперед, не зная устали. Вот перед ним мелькнуло смуглое испуганное лицо юноши, чужие глаза жалобно просили «Пощади!». Не в силах остановить опускавшийся на голову меч, магистр в последний момент сумел повернуть его плашмя: удар пришелся на плечо, и юноша, вскрикнув, свалился с коня, но тут же встал, держась за ушибленное место.

Гуго де Пейн проложил мечом дорогу, но сзади рыцарского клина положение было гораздо хуже. Уцелевшие от рыцарского меча сарацины нападали на безоружных и вымещали зло даже на женщинах и детях. Пилигримы-мужчины поднимали оружие поверженных врагов и смело вступали в бой, позади всех в простой рубашке дрался храбрый Беренгар. Однако мастерства им явно недоставало. Пилигримы десятками ложились, увлажняя своей кровью чужой бесплодный песок. Вот уже Беренгар переложил меч в левую руку, потому что правая окрасилась кровью и беспомощно повисла.

Магистр тревожно оглядывался назад, не представляя, как оказать помощь тем, кого он взялся защищать. И тут раздался боевой клич со стороны армянской крепости. Третья сила рванула на свежих лошадях навстречу сражавшимся. Многие пилигримы не могли понять, на чьей стороне вступят в бой летящие, словно на крыльях, всадники, но мусульмане точно знали, кому не повезло. Оставляя мертвых и раненых, сарацины умчались прочь.

Христиане, с помощью подоспевших армян, собрали своих раненых, убитых и покинули несчастливое место. Как только на поле боя остались стонущие, либо безмолвные сарацины, за ними вернулись их бежавшие братья. Налетевшая к вечеру песчаная буря стерла все следы жестокого боя.

На родине апостола Павла

*Кого склоняет злобный бес
К неверью в праведность небес,
Тот проведет свой век земной
С душой унылой и больной.
Порой ужиться могут вместе
Честь и позорное бесчестье.*

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль

Этот небольшой суровый кусочек Малой Азии часто заставлял говорить о себе на протяжении многих тысячелетий. Через Киликийские ущелья шла Царская дорога из Суз в Сарды во времена Персидского царства. С Киликией связана одна из трех самых значительных побед Александра Македонского.

В I в. до н. э. гористое труднодоступное побережье Киликии облюбовали пираты. Здесь они строили свои неприступные замки, в горах прятали награбленную добычу, здесь находили убежище и отдых от трудов своих несправедливых. Киликийские морские разбойники образовали крупнейшее пиратское братство древности, которое парализовало морскую торговлю на Средиземном море и поставило могучий Рим на грань голодной смерти. На войну с ними Рим отправил своего лучшего военачальника Гнея Помпея Великого, которому ценой невероятных усилий удалось сделать Внутреннее римское море снова доступным для мореплавания.

Впрочем, нас интересует Киликия времен, более близких к описываемым в романе событиям.

В XI в. Армения подверглась нападению двух сильнейших соперников: с одной стороны ее города захватывала Византия, с другой – турки-сельджуки. Армяне начали массово покидать родину, и значительная часть их осела в горной Киликии. Гонимые всеми, армяне не случайно выбрали для поселения этот край: проникнуть в Киликию по суше можно было только через несколько узких горных проходов, входы в которые прикрывали мощные крепости. Около 1080 г. армянские князья создали здесь свою собственную державу; периодически им удавалось даже отвоевывать у Византии равнинную Киликию.

В армянской крепости Гуго де Пейн подвел неутешительный итог: пятьдесят пилигримов погибло, тамплиеры потеряли одного рыцаря и пять кнехтов. Несколько десятков паломников и кнехтов было ранено; самых тяжелых армяне разместили в крепостном госпитале и пообещали либо вылечить их, либо похоронить по-христиански. Мертвые же нашли приют на огромном кладбище у входа в Киликийские врата. Причем когда их хоронили, то постоянно натывались на древние полуистлевшие кости. За проход через Киликию часто приходилось платить кровью. Царская дорога времен Ахеменидов; узел, соединявший владения римлян в Малой Азии; теперь Киликийские врата открывали самую короткую дорогу на Константинополь – значение ущелья было разным, но важность его все так же была огромной на протяжении тысячелетий.

В главном городе Киликии – Тарсе – тамплиеры приняли решение расстаться со своими подопечными. Прощание затянулось, слишком многое пришлось пережить вместе на пути от Иерусалима до Тарса. Глядя на толпу пилигримов, которая уменьшилась почти наполовину, Гуго де Пейн горестно и виновато произнес:

– Простите, добрые христиане, за ваших погибших в пути братьев, которых я не смог уберечь. Простите за ваши раны...

– Ты не должен просить у нас прощения, – посмел перебить магистра нищий рыцарь с перевязанной правой рукой. – Все мы – и павшие, и живые – знали, что путь к святым местам будет тяжел и для многих станет последней дорогой в этой жизни. Мы безмерно благодарны братьям ордена Храма за то, что они защищали нас на этом трудном пути, и безмерно скорбим и будем молиться за воинов, отдавших за нас жизни.

Гуго де Пейн хотел возразить Беренгару, но не успел. Толпа пилигримов бросилась к рыцарям и громко, со слезами радости и грусти одновременно принялись благодарить их. Многие целовали руки магистру. Наконец, передав пилигримам оставшиеся припасы, тамплиеры, согласно приказу магистра, построились по двое и оставили временный лагерь. Напоследок Гуго де Пейн крепко обнял Беренгара:

– Прощай, брат! Жаль, очень жаль расставаться с тобой. Эх! Если б ты мог остаться на Святой земле... Сколько бы полезных дел мы бы с тобой совершили, – мечтательно произнес магистр.

– И мне тяжело с тобой расставаться, и со святыми местами, – признался Беренгар. – Но я не имею права оставить их без помощи в чужом краю, – указал он на стоявших поодаль измученных пилигримов.

– Понимаю, и потому не уговариваю.

Тамплиеры приблизились к полноводной реке Кидну, на которой стоял Тарс. Кони с жадностью бросились к воде, но столь же быстро потеряли аппетит. Вода с гор оказалась для них слишком холодной и непривычной среди жары, ставшей обычной даже для животных. Именно в водах этой реки искупался Александр Македонский, и после этого заболел так, что много дней находился между жизнью и смертью. Эпопея честолюбивого царя-военачальника, мечтавшего завоевать весь мир, могла бы закончиться здесь.

Однако не Александр Македонский, изрядно наследивший в этих краях, волновал магистра. Совсем другой человек, который никогда не брал в руки меч, занимал мысли Гуго де Пейна. В Тарсе родился продолжатель Христа, много сделавший для того, чтобы Его слова стали известны всему миру. Этот киликийский город стал колыбелью апостола Павла.

Магистр спросил у толпившихся греков, где находится церковь Святого Павла. Он был уверен, что в Тарсе должен быть храм в честь апостола, и не ошибся. Храм оказался первой церковью, сооруженной франками на Святой земле, – а строили западные христиане весьма много. У высокого храма, устремившегося в небо острыми шпилями, которые где-то под облаками заканчивались крестами, тамплиеры оставили все вооружение и, наклонив головы, с трепетом прошли внутрь ее. Долго и страстно они молились пред обликом святого, положившего за Христа голову под топор римского палача.

В церкви Святого Павла нашел свой последний приют один из предводителей первого похода христиан – граф Гуго де Вермандуа, приходившийся братом королю Филиппу I. Первым из баронов Запада он прибыл в Константинополь, блистательно сражался в битве при Дорелее в 1198 г. Затем граф де Вермандуа вернулся во Францию, но Святая земля не пожелала отпустить его сердце. В 1101 г. Гуго де Вермандуа вновь отправляется на Восток, но это паломничество скоро закончилось: в Каппадокии сорокапятiletний брат короля получает смертельную рану. Тамплиеры помолились за упокой знатного воителя-пилигрима, о странствиях которого были весьма наслышаны.

Когда на землю опустились сумерки, тамплиеры за относительно небольшую плату устроились на ночлег в странноприимном доме. Мест не хватало, но воины Храма привыкли жить в тесноте. Хозяин позволил взять соломы из стога, стоявшего во дворе специально для такого случая. Ею воины устлали полы в выделенных комнатах и таким образом разместились все.

Воздух города, расположившегося у подножия Тавра, был гораздо свежее и чище, чем в пыльном жарком Иерусалиме. Несмотря на то что комната была переполнена звуками вроде

посапывания и похрапывания, несмотря на то что день был наполнен великими впечатлениями, магистр уснул довольно скоро. Все препятствия, казалось, мешавшие приходу сна, были уравновешены страшной усталостью тяжелого похода.

Гуго де Пейну снился странный сон. Магистр блуждал по огромному полю, окутанному туманом. Его охватывали то ярость, то отчаяние, то одолевала усталость; он шел то скорым шагом, то медленным, но, самое главное, он не знал, куда шел, туман не спадал, но становился все гуще. Внезапно впереди возникла тень и расходящиеся лучи света над ней. Тамплиер пошел на тень, которая с каждым шагом все явственнее обретала черты человека.

Худощавый мужчина с высоким лбом и грустным взглядом ходил между трупами лежавших на поле битвы воинов. На плащах погибших были нашиты кресты.

«Почему только наши воины? Где павшие враги?» – подумал во сне магистр.

Мужчина направил свой печальный взор на приближавшегося франка. Тот вознамерился спросить у него выход с поля, окутанного туманом, но человек со светящимся нимбом над головой опередил его:

«Прочь! Здесь нет места оружию! Прочь!»

Гуго де Пейн посмотрел на свой окровавленный меч. Он хотел объяснить, что защищал мирных пилигримов, но оправдаться не смог, потому что... проснулся.

Остаток ночи магистр так и не сомкнул глаз, хотя ему следовало отдохнуть перед нелегкой дорогой. Он пытался в мыслях найти причину гнева апостола Павла, он силился понять, почему святой не желает его – Гуго де Пейна – видеть в Тарсе? Почему и куда он гонит магистра прочь?

Утром Гуго де Пейн долго раздумывал: надеть ему хитон или взять его в походном мешке? И так, и этак получалось плохо: его могли ранить или убить – хитон при этом тоже пострадает, мешок в пылу битвы может потеряться, его могут украсть. Все же магистр надел бесценную одежду, перед тем трижды перекрестившись. Затем проговорил «Отче наш» и наконец произнес: «Помоги, Господь, добраться до Иерусалима без битвы, без крови». Хотя он никогда не был трусом...

С тяжелыми думами Гуго де Пейн покинул город, ставший в свое время колыбелью святого Павла. Пока дорога шла по дружественной армянской Киликии, можно было не опасаться нападений врагов. Так, укрываясь от солнца тенью гор, тамплиеры вышли к довольно большому городу, называвшемуся Маместией. И тут пред Гуго де Пейном предстала местность из ночного сна. Магистр поднял глаза к небу и увидел странное облако в виде человека, указывающего свитком в руке куда-то направо от дороги. Обратив взор на указанное место, магистр увидел кладбище. Словно ища подтверждения правильности своих мыслей, тамплиер снова поднял глаза вверх. Но... Видение на небе исчезло, превратившись в обычное облако. Не раздумывая, к удивлению братьев, Гуго де Пейн свернул с дороги и направился к рядам камней и крестов.

Между могильными холмами ходил старик и вырывал сорняки.

– Что привело вас на место последнего пристанища доблестных воинов, – спросил на франкском наречии старик, ухаживающий за могилами.

– Так ты соотечественник! – обрадовался де Пейн. – Прости, но привело на кладбище любопытство; мы будем благодарны, если ты его удовлетворишь. Кто эти воины, лежащие под камнями и крестами?

– Здесь покоятся храбрейшие из храбрых, первыми принявшие крест и мечтавшие освободить Гроб Господень.

– Они погибли в битве с неверными? – высказал догадку Гуго де Пейн.

– Если бы, – тяжело вздохнул старик. – Моя боль не была б столь сильна. Доблестные воины перебили друг друга.

– Как такое могло произойти?! – ужаснулся магистр.

– С тех пор минуло двадцать пять лет, а мне кажется, это произошло вчера, – начал свой рассказ смотритель кладбища. – Доблестные рыцари, благочестивые воины Франции, Италии и прочих стран отправились вызволять святые места. Им покорилась неприступная Никея. Затем крестоносцы разделились: основная часть пошла в обход Таврских гор и направилась к Антиохии, а Балдуин – брат Готфрида Бульонского – и Танкред Апулийский со своими норманнами вошли в горную Киликию.

Танкред первым оказался у Тарса, и так как небольшое количество сарацин не могло оказать ему должного сопротивления, то норманны еще до прихода франков водрузили над городом свой флаг. Подошедший Балдуин приказал заменить флаг Танкреда своим по причине того, что войско франков более многочисленное. Танкред едва сдержал своих воинов, готовых наброситься на франков. В ярости норманны вырезали всех захваченных пленных и покинули Тарс.

Затем Танкред захватил город, у которого мы с тобой стоим, но тут к Маместии опять приблизилось войско Балдуина. Среди норманнов разнесся слух, что их победу снова хотят украсть. Воины Танкреда напали на лагерь Балдуина, и началась битва – ужаснейшая от того, что сражавшиеся еще недавно считали друг друга братьями. Отряд Танкреда, значительно уступая по численности войску Балдуина, был вынужден снова отступить. Предводители сражавшихся сторон наконец-то вспомнили, зачем они оказались в Азии и на другой день помирились перед своими войсками, и даже обнялись. Осталось только похоронить убитых и продолжить поход к Иерусалиму.

– Почему же ты, старик, остался здесь, на кладбище? Почему не ушел со всеми?

– Здесь погиб мой юный сын – моя единственная отрада и надежда. Я не смог оставить его одного в чужой земле, – признался старик. – Рядом с его могилой я выкопал могилу для себя. Когда приблизится мой последний час, я лягу в заранее подготовленное ложе, а добрый прохожий, возможно, накроет мое остывшее тело песком.

– Прощай, старик, я буду навещать тебя и твоего сына, когда судьба вновь приведет в эти места, – пообещал магистр.

– Да хранит тебя Господь! – ответил ожидающий собственного конца старый воин.

На выходе из Киликии Гуго де Пейн посетил госпиталь, где оставались серьезно раненные пилигримы. Магистр нашел слова ободрения и утешения для каждого, и между тем послал двух слуг на рынок купить все, что пожелали несчастные либо что им могло понадобиться.

С тревогой в сердце тамплиеры приближались к месту, где произошла битва с сарацинами.

– Нет! Только не это! – воскликнул ехавший первым Гуго де Пейн. – Помилуй Господи!

Из-за ближайшего холма вынырнуло конное войско мусульман – никак не меньше вчерашнего. Поворачивать назад, бежать под защиту армянской крепости было слишком поздно – кони сарацин резвее передвигались по привычному им песку. Магистр продолжил движение, лишь отдав приказ на ходу строиться для боя. Он даже не потрудился затянуть нагрудник, и ткань белоснежного хитона, казалось, отражала солнечные лучи в глаза приближавшихся врагов.

Внезапно сарацинский военачальник приказал своему войску остановиться и один поскакал навстречу тамплиерам. Гуго де Пейн скомандовал «Стой!» и последовал его примеру.

– Сможешь ли ты понять мою речь? Или нам требуется помощь толмача? – первое, что попытался выяснить сарацинский всадник. Весьма значительный вид его и без слов говорил, что он возглавляет вражеское войско.

– Надеюсь, с Божьей помощью я смогу тебя понять. Говори.

– Меня зовут Иса аль-Касим, – представился военачальник. – Тебе называть имя нет нужды, так как ты часто следуешь мимо наших земель с караванами пилигримов. Привет тебе, Гуго де Пейн.

– Желаю здравствовать и тебе Иса аль-Касим. Коль сегодня мы начали приветствовать друг друга словами, а не мечами, то начало встречи радует, – совершенно искренне произнес магистр, впрочем, без тени страха.

– Прошу прощения, что преградил твой путь, но не по своей вине. Эмир Алеппо послал со мной свои извинения. Его всадники не должны были вступать в бой с твоими пилигримами. Ты можешь требовать возмещения убытков.

– Убытков... – печально улыбнулся Гуго де Пейн. – Погибшие пилигримы и воины не встанут, а деньги мало интересуют того, кто посвятил жизнь Богу. И уж конечно, я не буду торговать кровью паломников. Передай своему господину, что я удовлетворен извинениями.

– Я передам высокочтимому эмиру Бадр аль-Даулу, что у франков, с которыми произошло недоразумение, нет к нам вражды. Нам дорого перемирие, за которое эмир передал христианам крепость Атариб. К слову, твой меч поразил много славных аскаров, так что мы в расчете.

– Не я напал на них, – заметил Гуго де Пейн.

– Всею виной Черный Рыцарь Пустыни, с такой же черной душой. – Сарацин поспешил перенести вину на третью сторону, поняв, что взаимные упреки ничем хорошим не закончатся. – Он разграбил караван, вышедший из Алеппо, перебил погонщиков и аскаров. Такой разбой в перемирие невозможно простить, вот эмир и послал войско наказать виновных. На беду, оказался ты подле разгромленного каравана. Что могли подумать наши воины?

– И как же вы установили истину?

– Все рассказали раненые мусульмане, которых вы спасли, подобрав в пустыне. Прости еще раз, что слишком поздно мы слышали их рассказ.

– Все понятно, – произнес Гуго де Пейн. – Вот только почему сейчас на нашем пути стоит войско, Иса аль-Касим?

– Оно уйдет рассчитаться за караван, если ты не возражаешь?

– Я согласен, что Черный Рыцарь Пустыни виновен и должен понести наказание.

– Тамплиеры не окажут ему помощь, если его осиное гнездо уничтожат мусульмане.

– Нет. Всякий нарушивший перемирие должен быть призван к ответу. Это справедливо.

– В таком случае, счастливого пути тебе, Гуго де Пейн!

– И тебе удачного исполнения намерений, Иса аль-Касим!

Приблизившись к своим воинам, магистр кратко пояснил, что сарацины только хотят наказать Черного Рыцаря Пустыни за нападение на караван. От тамплиеров они ожидают лишь одного – нейтралитета. Гуго де Пейн опасался, что братья не поймут, почему они не должны оказывать помощь христианам, когда на них нападают сарацины. Волновался магистр напрасно: норманнов успели не полюбить все.

Тамплиеры продолжили путь, и вот они приблизились к недостроенному замку грозы здешних мест. Здесь было очень многолюдно; только вместо строителей вокруг замка кружились вооруженные сарацины, измышлявшие все новые и новые способы разрушения недостроенной крепости.

Ко времени появления тамплиеров, осаждающие отдали предпочтение огню. Со всех сторон башню обложили строевым лесом, заготовленным самими же норманнами для перекрытий между этажами и прочих нужд. Разбойники исполняли роль жареного блюда в собственном замке, словно в котле. Отдельный отряд сарацин-лучников не позволял им безнаказанно появляться на стенах.

Огня снаружи сарацинам показалось недостаточно. Они принялись метать горшки с горючей вязкой массой, которая иногда вытекает из их земли. Внутри башни также было чему

гореть, вскоре густой черный дым повалил из внутренней части замка. Положение осажденных стало катастрофическим. Они искали спасения на самом верху недостроенного замка – то есть, на незащищенной зубцами, открытой площадке. Подобным образом они спасались от пламени, но задыхались в окутавшем замок дыму и погибали от стрел мусульман.

Крепость Черного Рыцаря Пустыни находилась у дороги, на которой норманны предполагали грабить путников и торговые караваны. Потому тамплиеры двигались в непосредственной близости от шедшего боя. На воинов Гуго де Пейна сарацины не обращали никакого внимания, рыцарей-монахов также мало интересовало происходящее на обочине дороги, коль сама дорога для них оставалась свободной. Только молодые кнехты с жадным любопытством наблюдали за происходящим, словно они являлись зрителями на каком-то представлении. Оборонявшиеся заметили проходящих мимо тамплиеров, искра надежды мелькнула среди пламени, охватившего башню изнутри и снаружи.

С верхней площадки, к которой уже подбирались языки пламени, завопил нечеловеческим голосом пронзенный несколькими стрелами Черный Рыцарь Пустыни:

– Братья! Помогите! У меня много золота и оно все ваше!

Гуго де Пейн даже не повернул голову в сторону хозяина гибнущего замка, лишь Годфруа де Сент-Омер раздраженно проворчал:

– Не брат ты нам... Сколько хороших людей из-за тебя погибло.

Золотой дождь над «Нищими рыцарями Христа»

Удача продолжала сопутствовать ордену Храма; цепочка неких удивительных событий возведет орден на величайшую высоту; «Нищие рыцари Христа», монахи с мечом, давшие обет бедности, по иронии судьбы станут богатейшей организацией. Довольно часто так бывает, что везет решительно во всем, за что только не возьмется человек, и чудеса происходят самые невероятные. Временами Господь покровительствует и вполне заслужившему его милость, а иногда и не совсем достойному наград. Неисповедимы деяния Господа! Впрочем, торопиться не будем... Пока еще тамплиеры не имели большого влияния в этом мире, но и не канули в безвестность...

К удивлению многих, в братство рыцарей Храма вступил человек, от которого Гуго де Пейн в прошлой жизни был в ленной зависимости. В общем, о тамплиерах стали часто вспоминать в Европе после того, как в 1126 г. белый плащ с красным крестом надел граф Гуго Шампанский.

Что подвигло бывшего сюзерена Гуго де Пейна теперь стать его подчиненным? У могущественного владыки Шампани возникли семейные проблемы. Граф заподозрил в измене жену и, будучи крутого нрава, лишил единственного сына наследства. Свои необъятные владения он передал племяннику Тибо де Бри, который получил вместе с землями титул графа Шампанского. Возможно, граф раскаялся в своем поступке, но что-то менять было поздно. И вот, чтобы замолвить несправедливость перед сыном и получить прощение за грехи у Господа, он отправляется в паломничество к святым местам. В Иерусалиме граф случайно встречает своего бывшего вассала, и эта встреча вновь связала их до конца жизни. Еще один маленький нюанс, который неожиданно поможет тамплиерам: племянник получил не все владения графа; земли вокруг Клерво Гуго Шампанский передал аббату местного монастыря – Бернарду.

Настоятель монастыря в Клерво – образованнейший человек, великолепный оратор, сторонник строгих монашеских правил – в скором времени превратится в одного из самых известных людей эпохи крестовых походов. Любопытно, что главной человеческой добродетелью Бернард Клервоский считал смирение; в то же время, он имел величайшее влияние на главу католической церкви, а французский король Людовик VII воспринимал советы аббата как приказания. По силе влияния на умы современников его можно поставить рядом с Петром Пустынником. Но если Петр сумел только вдохновить мир на поход к Гробу Господнему и погубить отправившихся за ним, то Бернарду Клервоскому удалось многое сделать для сохранения завоеванного крестоносцами, по крайней мере, он помог создать силу, способную защитить святые места.

Гуго Шампанский несколько раз советовал главе ордена тамплиеров отправиться с визитом во Францию и непременно навестить его друга – аббата Бернарда.

Положение христианских государств было столь непрочным, что сегодня никто не знал в Иерусалимском королевстве, будет ли оно существовать завтра. В 1122 г. в плен к сельджукам попадает правитель графства Эдесского Жослен де Куртене. Король Иерусалимский отправился в Эдессу, чтобы помочь здешним христианам удержаться, но сам попадает в плен. В следующем году Евстахий де Гранье отбивает атаки мусульман на королевство. Только в 1124 г. Балдуин II был освобожден из плена.

Было еще неплохо, если приток христиан из Европы в государства крестоносцев равнялся убыли в стычках с мусульманами. Точно в таком положении находился и орден Храма: с принятием графом Шампанским красного креста тамплиера, братьев в нем прибавилось, но потери на дорогах Палестины очень скоро оставили пустыми многие кельи в монастыре-казарме.

Любитель шахмат Балдуин II после своего пленения нечасто приглашал Гуго де Пейна в качестве противника – думы о насущном дне королевства поглощали все время монарха. И если магистр получал приглашение на игру, было ясно, что королю необходимо было обсудить с ним какие-то вопросы.

В этот день король был настолько рассеян, что, расставляя фигуры, на своем поле поместил чужого слона.

– Еще рано быть врагу на твоей половине, – указал Гуго де Пейн на ошибку короля.

– Н-да, – согласился Балдуин, – нужно быть внимательным в нашем положении. Одна ошибка – и враг у тебя в доме.

Король честно пытался собраться и начать настоящую игру, но продолжал совершать ошибку за ошибкой. Главная фигура монарха часто оказывалась под ударом, хотя для этого магистр не прилагал много усилий и не разрабатывал многоходовые комбинации.

– Вот так легко можно настигнуть короля; сегодня все фигуры доблестно его защищают, а завтра он может оказаться во власти противника, – произнес Балдуин, видимо, вспомнив свой недавний плен, и добавил: – Особенно печально положение монарха, когда на доске становится мало фигур, готовых его прикрыть.

– Предлагаю ничью, – произнес де Пейн, когда до его полной победы осталось только передвинуть на две клетки королеву и завершить разгром ладьей. – Вижу, у тебя есть разговор ко мне, и он мешает нам обоим насладиться игрой.

– Да, дорогой друг. Хотелось бы провести с тобой время за игрой и приятным разговором, но времена не те.

– Что же тебя тревожит?

– Отсутствие сил, необходимых для защиты святых мест, – признался король. – Ведь мы в Палестине до сих пор остаемся не потому, что сильны, а потому, что мусульмане, нас окружающие, не могут объединиться между собой. Но это будет продолжаться до тех пор, пока у них не появится сильный человек: халиф, эмир, султан – неважно, как он будет зваться.

– Положение у нас неважное, – согласился магистр, – но что могу поделать я? Люди ордена гибнут на дорогах Палестины каждую неделю. На Западе знают о существовании христианских государств на Святой земле, однако слишком мало появляется желающих связать с ними свою жизнь. Мало франков, германцев, англичан едет к нам, чтобы остаться здесь навсегда.

– Все же я думаю, что Запад не настолько хорошо знает наше положение, чтобы волноваться о нем. Было бы неплохо, чтобы те люди, которые находятся в Палестине долгие годы, рассказали о жизни святых мест. И это должны сделать не менестрели, склонные все приукрашивать, но воины, израненные мечами и стрелами сарацин.

– У тебя есть такие люди на примете?

– Этот человек сидит передо мной.

– Помилуй, король! – возмутился Гуго де Пейн. – Мое ли дело заниматься рассказами? Ты же знаешь, я привык защищать Гроб Господень мечом, но не словом. Каждый должен делать то, что у него лучше всего получается.

– У тебя получится рассказать убедительно, потому что ты веришь в свое дело, – продолжал настаивать Балдуин. – А еще возьми с собой тех братьев, которых считаешь наиболее годными к этой миссии. И пусть они пройдут весь Запад, пусть посетят все города и деревни. Мир должен знать, что Святая земля нуждается в помощи.

– На подобные путешествия требуются огромные деньги. – Магистр нашел новую причину, по которой его поездка на Запад не могла состояться. – Казна ордена пуста, все деньги ушли на пилигримов, которые не в состоянии о себе позаботиться.

Балдуин потянул из-под одежды золотую цепь, висевшую у него на шее, и принялся ее снимать:

– Вот ключ от казны Иерусалимского королевства. Возьми его, Гуго де Пейн, открой дверь и насыпь золота в свой походный мешок столько, сколько, сочтешь необходимым для поездки на Запад. Затем возьми еще столько, чтобы хватило наверняка.

– Я не могу распоряжаться казной королевства, – запротестовал смутившийся магистр.

– Тогда это будет делать египетский султан или эмир Алеппо.

– Ты позволишь мне подумать?

– Конечно, – смиростивился король и добавил: – Только не долго.

Гуго де Пейн еще колебался, но в первую же ночь после разговора с королем он явственно услышал во сне голос: «Возвращайся домой». Не внять ему магистр не мог; после сна, который привел его на кладбище христиан в Киликии, он всегда с трепетом и уважением относился к ночным сновидениям. Глава тамплиеров приказал Годфруа де Сент-Омеру, еще четверем рыцарям и некоторым слугам собираться в путь. Впрочем, куда им предстоит отправиться, не стал сообщать.

Накануне отъезда магистр отправился во дворец Иерусалимского короля.

Глядя на утомленного Гуго де Пейна, ставшего немного сутулиться под тяжелым грузом забот, Балдуин виновато произнес:

– Прости, друг, что уговорил тебя отправиться в нелегкое путешествие, но никто, кроме тебя, не сможет разбудить Запад. В твоих руках судьба Святой земли.

– Мне совершенно не в тягость посещение родных мест. Грусть моя от неуверенности: смогу ли я исполнить то, что ты поручил? Пойдут ли рыцари за мной? За столько лет своего существования орден ведь так и остался равным по численности ополчению какого-нибудь графа.

– Главное, найти великую идею, а средства ее достижения найдутся, – убедительно произнес король. – Ты же не должен приниматься за дело со скорбным выражением лица, иначе действительно можно проиграть заведомо выигрышную партию.

Гуго де Пейн, которому невольно передалась уверенность Балдуина в успех поездки, распрямил плечи и поднял голову.

– Вот так лучше. – Изменения в сознании магистра не ускользнули от Балдуина. – Многое за тебя сделают письма – к королю, графам, епископам и аббатам. Гонцы с моими посланиями поплывут на одном корабле с тобой.

– Благодарю за заботу... – только и смог произнести Гуго де Пейн.

– Не торопись, добрый друг, – перебил магистра Балдуин. – Напоследок осталась еще одна просьба к тебе. Как знать, может быть, от решения этого вопроса зависит судьба Иерусалимского королевства.

– Говори, – обреченно сдался магистр.

– Как тебе известно, Господь не дал мне сыновей. Всякий раз, когда моя обожаемая Морфия оказывалась в положении, я ждал наследника. Но, видимо, у Всевышнего свои планы, и Морфия принесла мне четырех дочерей. Мне даже советовали поменять жену, чтобы завести наследника, но разве будет счастлив сын, рожденный не в браке, благословленном на Небе. И разве можно обижаться на Господа за то, что он подарил мне чудесных девочек: Мелисенду, Алису, Годерну, Иовету?

– Я бесконечно уважаю тебя, король, за то, что не отказался от Морфии Мелитенской, – признался Гуго де Пейн. – Твоя жена честно заслужила свое счастье. Господь одарит вас своей милостью, как всякого ее достойного.

– Невольно довелось внимательно присматриваться к тому, что имею, – продолжил свои откровения король. – И я увидел, к собственной радости, что Господь наградил мою старшую дочь Мелисенду острым умом – ничуть не хуже мужского. Уверен, она и сегодня смогла бы заменить меня. Но... На Востоке женщина на троне не будет пользоваться великим уважением,

даже если у нее голова ученого мужа. Требуется мужчина рядом – знатный, могущественный, храбрый.

– Ты желаешь, чтобы я привез еще мужа для твоей дочери. – Гуго де Пейн надеялся, что сейчас он пошутит.

Король не собирался смеяться и даже не улыбнулся, немало испугав магистра своей серьезностью.

– Совершенно верно ты меня понял, дорогой Гуго. – К ужасу тамплиера Балдуин подтвердил, что пошутить у магистра не получилось. – Только задача твоя несколько упрощается.

– Наивный, я полагал, что должен всего лишь где-то найти армию, перевезти ее в Палестину и разгромить всех сарацин. Оказывается, это еще не самое сложное, что меня ждет.

– Выслушай меня, не перебивая, – попросил иерусалимский монарх. – Лет шесть назад паломничество совершал Фульк Анжуйский. Ты помнишь этого храброго графа, который почти два года провел на Святой земле.

– Разумеется, я прекрасно помню этого замечательного молодого человека, – не удержался тамплиер. – Он несколько раз провожал вместе с нами караваны паломников, и благодаря его мужеству многие франки и германцы сумели вернуться на родину. До сих пор он каждый год пересылает на нужды ордена некоторую сумму денег.

– Он понравился не только тебе и мне, но и моей дочери Мелисенде.

– О чем ты, король?! – ужаснулся де Пейн словам человека, верность которого супружескому долгу только что похвалил. – Граф женат на женщине, принесшей ему в приданное великолепнейшее графство Мэн и подарившей четверых детей.

– Увы... Добродетельная Ирменгарда Мэнская скончалась несколько месяцев назад, – со скорбным выражением лица сообщил Балдуин.

– Жаль. Хотя я был знаком с графиней только по рассказам Фулька Анжуйского, но отзывался граф о жене всегда с теплотой и почти с юношеским восхищением.

– Ничего не поделаешь: все мы рождаемся, чтобы когда-нибудь умереть. Господу лучше известно, какой кому отпущен срок. Поговорим о живых, а о мертвых заботятся мертвецы, – закончил минуту скорби по графине Мэнской Иерусалимский король. – Я заметил, что граф Анжуйский несколько раз останавливал на моей дочери взгляд – более долгий, чем дозволяют приличия. Тогда я был готов расценить это как наглость. Теперь на Фулька я не в претензии. Видимо, в отличие от меня, он предчувствовал, что с Мелисендой его еще сведет судьба. Теперь, когда я узнал о смерти Ирменгарды, вдруг вспомнил пристальный взгляд графа. Кстати, очень хорошо, что ты знаком с графом Анжуйским.

– Понятно, теперь ты, Балдуин, предлагаешь человеку, посвятившему себя служению Господу, сделаться сводником.

– Надеюсь, Господь будет только рад, если с твоей помощью несколько человек станут счастливыми. И еще более ты будешь облакан Всевышним, если граф Анжуйский поможет христианам сберечь святые места.

– Но я никогда не занимался такими делами.

– Ничего сложного нет, – пытался успокоить друга Балдуин. – Начнем с того, что ты знаешь мнение мое и мнение моей дочери о графе Анжуйском. Сами мы не можем предложить ему руку и сердце, но если ты расскажешь Фульку о нашем к нему отношении, то в этом нет ничего зазорного. Далее на его лице ты легко прочтешь ответ. И если он согласен, то передашь мое приглашение посетить Иерусалим, – и в конце пояснений спросил: – Ведь все просто, Гуго?

– А если он не согласится приехать в Иерусалим?

– Желательно выяснить причину отказа. Но если не получится, забудь об этом поручении.

Отъезд магистра было решено держать в тайне – слишком многое зависело от этой поездки. И Гуго де Пейн только в день отплытия смог проститься с Понтием и рассказать, что отправляется совсем не для защиты пилигримов.

– Твое путешествие займет много времени, – печально промолвил иудей.

– Да. Мне не хочется расставаться с Иерусалимом, Голгофой, руинами Храма Соломона и конечно же с тобой, Понтий. Мои корни в этой земле, и я обязательно вернусь, чтобы остаться здесь навсегда.

– Ты взял хитон? – тревожно спросил иудей.

– Нет. Слишком опасно путешествие. – Гуго де Пейн понимал, что Понтий будет настаивать на необходимости взять с собой реликвию, а потому голосом, не терпящим возражений, сразу же предупредил: – Даже не буду продолжать разговор на эту тему.

– Хорошо, – как-то подозрительно скоро согласился Понтий. – У тебя много забот, не буду тебя задерживать. К отплытию корабля приду проститься еще раз.

Как выяснилось, только магистр решил, что темы хитона они касаться не будут, но не Понтий...

Среди немногих провожающих корабль был и наш иудей. Он поднял руку на прощание, когда судно начало удаляться, и, как показалось магистру, хитро улыбнулся. Де Пейн не придал этому значения, и только далеко в море открылся секрет тайной радости Понтия. Годфруа де Сент-Омер приблизился к магистру с маленьким сундучком, который был закрыт на непропорционально большой замок.

– Что это? – в голосе де Пейна звучала тревога.

– Самое дорогое, что мы имеем, – виновато опустил глаза де Сент-Омер.

– Почему?! Как?!

– Меня обманул этот хитрющий иудей, – признался рыцарь. – Вначале он взял с меня слово, что я исполню его просьбу, а потом произнес саму просьбу. Я и подумать не мог, когда давал обещание, что речь пойдет о хитоне. Ведь Понтий никогда ничего не просил...

Магистр хмуро улыбнулся. Честный бедняга Годфруа попался на ту же наживку, что и он сам в недавнем прошлом.

– Кроме того, Понтий привел столько убедительных доводов, почему хитон должен оказаться на корабле, что я перестал измышлять, как бы вернуть данное слово обратно.

– Например?

– Хитону будет безопаснее во Франции, среди единоверцев, чем здесь, в окружении сарацинских держав. Ведь с нашим отъездом защита Иерусалима сильно ослабла. Я убеждал Понтия, что морской путь небезопасен, на что он только рассмеялся: хитон множество раз пересекал море и не только не тонул, но и спасал того, на ком был надет.

– Хорошо, – согласился Гуго де Пейн, хотя от его согласия ничего уже не зависело (разве что, спокойствие Годфруа де Сент-Омера). – Назначь охранять сундук трех самых сильных воинов, и пусть они не отходят от него ни днем ни ночью.

В 1127 г. оказавшись на родной земле, магистр маленького ордена задумался о дальнейшем существовании своего детища. Иногда Гуго де Пейна посещали мысли: не распустить ли орден, продолжавший оставаться песчинкой в безбрежной пустыни мироздания. С такими, довольно пессимистическими, мыслями он направился, как подобает доброму вассалу, в замок того, кто мог быть его сюзереном в светской жизни. Собственно, визит к графу Тибо Шампанскому был только данью уважения, а также исполнением настойчивого пожелания тамплиера Гуго Шампанского; сюзереном де Пейна теперь считался только Папа Римский. Однако визит принес больше пользы ордену тамплиеров и его магистру, чем чести графу Шампани.

Стараниями графа, к малочисленному ордену пришла пока еще не вполне заслуженная слава. О них по всей Франции принялись рассказывать, как о героических защитниках Святой

земли; бродившие по дорогам Фландрии, Пикардии, Прованса, Бургундии братья-рыцари, как могли, поддерживали положительный образ тамплиеров. Естественно, о прибытии орденских братьев был извещен и знаменитый на всю Европу аббат Бернارد из Клерво. Этот знаток теологии понял, что детище Гуго де Пейна может спасти дело отвоевания Гроба Господнего. Аббат Бернارد написал под явившихся из Святой земли храмовников трактат с названием «Хвала новому рыцарству». В нем объединилось ранее несовместимое: аббат воздал хвалу «монахам по духу и воинам по оружию». В трактате изысканному светскому рыцарю противопоставлялся суровый монах-тамплиер, в котором воплощались все христианские ценности. Отныне монах, воюющий во славу Господню, стал идеалом служителя Бога.

Аббат монастыря Клерво со свойственной ему прямоотой ответил на вопрос, который более всего вызывал сомнения у добрых христиан. Истинно верующий, согласно выводам Бернарда, не должен бояться принять участие в войне на благо церкви, но, наоборот, стремиться к этому:

«Когда он предает смерти злодея, это не убийство человека, а дерзну сказать, искоренение зла. Он мстит за Христа тем, кто творит зло; он защищает христиан. Если он сам падет в бою, то не погибнет, а достигнет своей цели. Ведь он несет смерть во благо Христа, а принимает ее – во имя блага собственного».

Бернард Клервоский написал устав рыцарей Храма и стал духовным покровителем ордена. Наконец великую известность тамплиерам принесло их представление на соборе в Труа, который состоялся в январе 1128 г. На этом соборе де Пейну было дозволено именоваться Великим магистром, а белый плащ тамплиеров (как символ целомудрия) с нашитым красным крестом стал их обязательной одеждой. Впрочем, братья давно носили плащ такого цвета, если им доставало средств его приобрести. С первых шагов своих рыцари Храма стремились выделиться, быть отличными от светских рыцарей Святой земли.

Гуго де Пейн, который еще недавно намеревался распустить свой, можно сказать, семейный орден, теперь оказался во главе целой разноязычной армии. Магистра охватила жажда деятельности; он посетил, кроме Шампани, Анжу, Нормандию, Фландрию, затем перебрался на Британские острова и встретился с английским королем.

Не всякий рыцарь мог принять обет целомудрия, бедности, послушания; воины, не готовые на такие жертвы, могли поступить на службу в орден временно, в качестве гостей, оставляя за собой право возвращения к светской жизни.

До собора в Труа с исполнением обета бедности у храмовников не было проблем, и одежду они носили, какую им дарили люди со своего плеча.

Еще недавно бедный орден, имевший на печати изображение двух всадников на одном коне в память о подобном своем прибытии в Иерусалим, – теперь, вопреки главнейшему обету, начал сказочно богатеть.

Гуго де Пейн, чтобы подчеркнуть свою абсолютную бедность, передал ордену все свое состояние. Так же поступали все, кто надел белый плащ с красным крестом. Во многих христианских странах тамплиерам жертвовали деньги, земли, дома, мельницы, замки; их освобождали от уплаты пошлин и налогов. Так, по иронии судьбы, тамплиеры, отказываясь от всего имущества, поступали в орден, который становился более могущественным и богатым, чем иные короли.

Жених для принцессы Мелисенды

Хитон магистру приходилось надевать довольно часто, особенно при посещении замков могущественных сеньоров. Заставил его один случай, происшедший вскоре по достижении им родной Шампани. Граф Тибо Шампанский заметил, что за его гостем всегда ходят три здоровенных воина с маленьким сундучком.

– Позволь один праздный вопрос, Гуго, – не удержался граф. – Что в сундучке, который ходит за тобой по пятам? Если казна, то ее удобнее оставить у меня на хранение, нежели столь упорно привлекать к ней внимание. Или ты думаешь, граф Тибо позарится на это маленькое ходячее казнохранилище?

– Там не золото, а нечто более ценное, – произнес Гуго.

Если б магистр согласился отдать сундук на хранение графу, то разговор тем бы и закончился. Но последние слова де Пейна возбудили такое любопытство властителя Шампани, что бесполезно было даже надеяться, что тот отстанет, не получив удовлетворения. Перед своим рассказом Гуго де Пейну удалось лишь взять слово, что тайна маленького сундучка никому не будет раскрыта Тибо Шампанским.

Конечно, граф уговорил магистра открыть сундук и показать святыню. Хитон был положен на графский трон; Тибо долго стоял на коленях перед одеждой Христа, лицо его просветлело, стало добрым, бесхитростным, наконец, властитель Шампани поцеловал одежду и позволил Гуго де Пейну удалиться со святыней.

И еще одному человеку во Франции Гуго де Пейн открыл тайну древнего хитона. Он рассказал все от начала до конца – что узнал от Понтия – духовному наставнику ордена Бернарду из Клерво. Хитон был на магистре, чтобы показать реликвию полностью, последний снял кафтан.

– От него исходит свет! – воскликнул аббат.

В следующий миг один из самых влиятельных отцов церкви упал на колени перед магистром, поклонился до земли, а затем дрожащими от волнения губами прикоснулся к бесценной ткани.

Магистр чувствовал себя не очень удобно, но не смел произнести ни слова, пока настоятель монастыря Клерво не закончил выражать почтение реликвии.

– Береги его, де Пейн. Судьба дала тебе величайшее сокровище.

– Пока хитон больше заботится обо мне, чем я о нем, – признался магистр.

– Да не покинет тебя Господь. – Поднявшийся с колен Бернард Клервоский благословил Гуго де Пейна.

После собора в Труа Гуго де Пейн совершенно не терял уверенности в обществе графов, маркизов, баронов, епископов. Хотя в юности он сильно страдал от излишней скромности, которую иные люди принимали за трусость. Имея за спиной чуть ли не ту армию, которая была пределом мечтаний иерусалимского короля, Гуго де Пейн чувствовал себя на равных с сильными мира сего. «Пожалуй, теперь можно заняться последней просьбой Балдуина», – решил он.

Все же некий предательский трепет поселился в душе Гуго де Пейна, когда он вступил на земли графа Фулька Анжуйского. Ведь предстояло иметь дело с вассалом двух королей и самым могущественным властителем Северной Франции. И хотя королевская корона манит всех, но граф Анжуйский мог и не согласиться поменять огромные земельные владения в трех графствах на узенькую полоску земли, прижатую к морю враждебными мусульманскими державами.

Надев хитон, магистр приободрился. И, наконец, по дороге в замок Анжу, он решил помолиться в знаменитом турском аббатстве Мармутье.

На подъезде к монастырю Гуго де Пейн с ужасом увидел, что святое место готовится штурмовать какая-то армия. На магистре не было доспехов, ветер во время скачки распахивал и открывал хитон. Оруженосец протянул ему меч, но тамплиер показал взмахом руки, что не нуждается в оружии. В таком виде он подъехал к рыцарю, который давал указания окружающим монастырь воинам.

– Я, Гуго де Пейн, Великий магистр ордена Храма! – представился тамплиер.

– Уста пилигримов, вернувшихся со Святой земли, рассказывали много хорошего о братьях ордена, – почтительно произнес толстяк. – Я, барон Гуго де Амбруаз, проживаю в здешних местах.

– Как же понять, почтенный барон: твое войско пытается взять святое место? – недоуменно произнес магистр.

– Монахи задолжали мне некоторую сумму, а долги, как учит наш Господь, нужно возвращать. Ведь так?

Воины с готовыми для штурма лестницами, обнаженными мечами, поднятыми пиками застыли в ожидании приказаний. В бойницах монастыря виднелись люди в рясах, держащие в руках оглобли, вилы, кое-где на солнце тускло мелькали наконечники тяжелых арбалетных стрел. Противные стороны, словно замороженные, смотрели на рыцаря в белом плаще с красным крестом, из-под которого выглядывал старинный иудейский хитон. А Гуго де Пейн продолжал вести беседу с бароном, от которого зависели война и мир – сегодня, на этой земле.

– Позволь спросить, как образовался долг; для каких целей монахи брали у тебя деньги, когда им немного требуется в этом мире, – по крайней мере, немного из того, что можно приобрести за серебро или золото.

– Не совсем так, – немного замялся решительный барон. – В долг монахи не брали...

– Ага. Я не зря подозревал, что гораздо больше твоих денег монахам необходим покой, чтобы в молитве соединиться с Господом, – утвердился Гуго де Пейн в некоторых своих догадках. – Однако продолжай свой рассказ, ибо причина твоей немилости к монастырю становится совсем мне непонятна.

– Сей монастырь завладел имуществом моих вассалов. Теперь я лишился одновременно и двух доблестных рыцарей и земель, на которых они сидели.

– Каким образом? – Магистру едва не силой приходилось вытаскивать интересующие сведения из уст Гуго де Амбруаза.

– Два моих лучших рыцаря отреклись от мира сего и ушли в эту обитель. Однако перед тем, как доспехи сменить на черный плащ, они отписали монастырю все свои земли.

– Эти земли были отданы тобой рыцарям в лен на время их службы? Они не могли ими свободно распоряжаться?

– Нет. Они получили земли от отцов, а те от дедов, – признался де Амбруаз. – Но, в конце концов, их предки получили землю от моих предков.

– Понятно. Твои бывшие рыцари вольны распоряжаться землей, как им заблагорассудится.

– Да. Но ведь ты сам только что сказал, что служителям Господа нет необходимости заботиться о мирских ценностях. Пусть монастырь возьмет моих рыцарей, но вернет землю, либо за нее заплатит. На этих ленах я посажу двух храбрецов, только что получивших рыцарские шпоры, и таким образом никто ничего не потеряет.

– Слишком часто я слышу о богатстве служителей Господа. Слишком многие считают деньги других, не заглянув прежде в свой карман, – тяжело вздохнул магистр. – Ты желаешь, чтобы твои рыцари ушли в монастырь в одежде Адама – какими они вышли из лона матери. Но им каждый день надо есть, хотя бы самую простую пищу, надо приличествующую сану одежду, хотя и не такую изысканную, как на тебе.

– Перечисленные тобой расходы не требуют многого, а земельные наделы рыцарей были вполне приличными, – более машинально, нежели из желания продолжать спор, промолвил де Амбруаз.

– Но чаще всего монахами становятся те, кто не имел куска хлеба в этом мире, кто был простым бродягой. Вот для них и будет выращиваться хлеб на полях, подаренных монастырю твоими вассалами. Я знаю, что эта обитель поддерживает бедных, раздает милостыню нищим, в неурожайные годы кормит из своих запасов и твоих, вероятно, крестьян. Ведь так?

Барон молчал, опустив глаза. Ответил за него стоящий рядом воин:

– Верно говоришь, рыцарь Храма.

– Судя по твоему виду, в монастырь ушли не последние земли из феода твоих предков, барон? – предположил Гуго де Пейн. – Надеюсь, ты не умрешь с голоду и не замерзнешь из-за отсутствия одежды зимой?

Толстяк молчал и обливался потом.

– А еще, здешнее аббатство пожертвовало весьма немало на содержание святынь Палестины, – продолжал взывать к совести барона и его воинов магистр. – Там христианам очень тяжело... Потому я здесь умоляю о помощи; многие откликнулись: кто средствами, кто готов послужить Святой земле своим мечом. Ты же, во имя Господа, воздержись от насилия над слугителями Христа. Ты не имеешь права столь худо относиться к монахам уже потому, что они не имеют жены, родных, детей, они лишили себя всех мирских удовольствий, которые имеет любой рыцарь и даже крестьянин. Но что я вижу? Теперь воины-христиане пришли отнять их жизни, разорить обитель – такого не творят даже мусульмане в Палестине.

– Доблестный магистр, я бы хотел вступить в твой орден и отправиться на Святую землю, – неожиданно произнес стоявший подле барона рыцарь.

– Нет ничего проще, в Марселе готовятся корабли для желающих постоять за Гроб Господень, – пояснил Гуго де Пейн. – Дней пять я буду гостить у вашего графа, а потом отправлюсь на юг. Ты можешь не торопясь собраться в путь, проститься с родными, оставить распоряжения по имуществу и присоединиться ко мне в Анжу.

– Магистр, жди и меня в Анжу, – произнес высокий рыцарь с тяжелой секирой, которой еще несколько мгновений назад собирался раскрошить монастырские ворота. И это, вне всякого сомнения, ему бы удалось.

– Уж больно красив плащ у ваших братьев, – произнес воин с копьем. – Давно мечтаю его надеть. Но что для этого требуется?

– Кроме твоего желания, ничего. Ты можешь носить его столько времени, сколько пожелаешь – в качестве гостя ордена Храма. А если сердце призовет тебя навсегда связать обетом бедности, послушания и целомудрия, то плащ будешь носить всю жизнь, и он же окутает твое остывшее тело перед тем, как его накроет песок Святой земли.

– Доблестный Великий магистр, не будешь ли ты против, если и я пожелаю белый плащ с крестом тамплиера, – уж совсем неожиданно обратился к нему барон Гуго де Амбруаз.

– Святая земля рада каждому рыцарю, который ступает на нее с добрыми намерениями. Возьми мой плащ, – отстегнул де Пейн свою верхнюю одежду и остался в иудейской тунике, – отдашь, когда решишь вернуться к мирским делам.

– Благодарю тебя, де Пейн, – с такой искренностью произнес барон, что немало удивил собственных рыцарей. И надев плащ магистра, попрощался: – До встречи в Анжу!

В следующий миг все воины барона, не ожидая приказаний, спрятали мечи в ножны, прочее оружие также убрали, и дружно потянулись прочь от монастырских стен.

Граф Фульк Анжуйский встретил Гуго де Пейна как родного брата, которого не видел несколько лет; властитель Анжу, Турени и Мэна был предупрежден о визите рекомендательными письмами от Тибо Шампанского и Бернарда Клервоского. Подобная протекция была

излишней, так как граф Анжуйский был знаком с Гуго де Пейном еще со времен паломничества на Святую землю в 1120-1121 гг.

Фульк поначалу пытался удивить гостя изысканным столом, и даже немного обиделся, когда заметил, что тамплиер без особого восторга поглощал блюда, которые и на королевские столы не каждый день подаются. Граф не мог понять, что магистр брал яства, которые расхваливал хозяин, только из вежливости, – и проглатывал их, почти не ощущая вкуса. Все оттого, что голова де Пейна была занята великими вопросами, к разрешению которых он никак не мог приступить. К его счастью, сам Фульк мало-помалу подводил тамплиера к теме, которую ему поручил разрешить иерусалимский король.

– Как чувствует себя иерусалимский король? – спросил Фульк, когда, наконец, ему надоело превозносить мастерство собственного повара.

– Благодаренье Богу, Балдуин не слишком часто недомогает. Разве что в последнее время его беспокоит будущее Иерусалимского королевства.

– Вот как? – насторожился граф. – Неужели все так плохо?

Гуго де Пейн не стал рассказывать, как малочисленно войско королевства и как велики силы его врагов. Не столько тамплиер хотел скрыть, что положение королевства весьма неопределенно – ведь он рассказывал всей Европе, что Святой земле требуются защитники. По правде сказать, сейчас Гуго де Пейн и сам не слишком переживал об этих недостатках. Ведь он надеялся, что в ближайшее время защитников прибавится, потому что на корабли уже грузились рыцари со всех концов Франции, вдохновленные Бернардом Клервоским. У магистра была привычка: сначала решать самые сложные вопросы, а остальное улаживалось как-то незаметно, само собой. А самым сложным для монаха было приступить к сватовству.

– Короля тревожит более всего то, что у него нет наследника мужского пола, – наконец собрался с духом тамплиер.

– И надежды на его рождение не осталось?

– Увы... – вздохнул магистр. – Балдуин и Морфия уже в том возрасте, что приходится думать о завещании.

– Я так понимаю, король решил: кому передать иерусалимский трон? – заинтересовался Фульк Анжуйский.

– Мелисенда – старшая из дочерей – вне всякого сомнения, достойна принять корону.

– Я помню эту чудесную девушку, – живо отозвался граф. – Она замужем?

– Нет. Желających очень много, но король, и сама принцесса, понимают, что будущий избранник должен стать опорой иерусалимскому трону.

– По крайней мере, кто-то есть на примете? – Фульк уже не мог сдерживать растущее любопытство.

– Кстати, – как бы между прочим вспомнил магистр, – король и его дочь помнят тебя. И особенно часто о тебе стал заходить разговор, когда пришло известие о кончине благородной Ирменгарды... Прими мои соболезнования.

– Уж больше года минуло с тех пор, как этот мир покинула женщина, которую мне не в чем было упрекнуть за все годы нашего брака, – произнес с печалью в голосе Фульк, но далее голос зазвучал бодрее. – И на смертном одре Ирменгарда проявляла удивительную заботу обо мне. Она умоляла после ее смерти не оставаться в одиночестве и выражала надежду, что я встречу достойную женщину.

– Видимо, она предчувствовала, что через новый брак ты сможешь оказать помощь величайшему христианскому делу, – предположил Гуго де Пейн.

– Так, значит, Мелисенда вспоминала обо мне? – вновь захотел услышать Фульк.

– Не буду больше увиливать, ибо мое стеснение доведет до лжи. Вот ведь как бывает, когда берешься не за свое дело... – смущенно промолвил магистр. – Дело в том, что король меня и послал выяснить, как ты относишься к женитьбе на его старшей дочери – Мелисенде.

Разумеется, тебе придется оставить свои прекраснейшие графства и принять на себя заботу о не столь большом Иерусалимском королевстве. Оно со всех сторон окружено врагами, но разве не почетнее стать королем на Святой земле, чем оставаться графом и вассалом двух королей здесь?!

Магистр столь же откровенно задел самый чувствительный уголок души любого рыцаря, а тем более, графа – тот, где обитает честолюбие. Это оно заставляло тысячи и тысячи благородных отпрысков многих европейских фамилий оставлять свои дома, богатство, молодых и красивых жен и отправляться за славой в пески Палестины.

– Благодарю тебя за откровенность, Гуго де Пейн, – искренне произнес Фульк. – Это свойство все реже встречается в людях. Даже славные рыцари, пользующиеся мечом чаще, чем словами, научились изъясняться как еврейские торговцы рухлядью. Придется и мне ответить столь же прямо.

– И каков будет ответ, – насторожился де Пейн, чувствуя холодок на душе – примерно такой, когда он – юноша, лицо которого еще не знало бритвы, – в первый раз стоял на поле перед своим первым сражением с врагом.

Граф Анжуйский немного слукавил: вместо того чтобы сказать «да» или «нет» (чего, собственно, и ждал Гуго де Пейн), он принялся за рассуждения:

– Я свободен, прошло время, которого требовала память моей обожаемой Ирменгарды и человеческая традиция. Не буду скрывать, Мелисенда мне очень понравилась; когда я на нее смотрел, признаюсь в грехе, то забывал о моей любимой графине Мэнской, подарившей мне двух лучших на свете сыновей и двух красивейших дочерей и принесшей в приданое целое графство. Меня влечет к себе Святая земля; а от протянутой руки иерусалимского короля отклониться едва ли у кого-то хватит неблагодарности. Только одно меня беспокоит: мои дети, которые остаются здесь...

Когда пришла пора произнести слова согласия либо отказа, Фульк вновь замолчал.

– Так что тебя тревожит? – не выдержал интриги Гуго де Пейн. – Французский король – твой друг и твоя надежная защита. Хотя, я не знаю твоих отношений с английским королем, ведь ты являешься и его вассалом...

– С английским королем у меня были сложные отношения, когда я в первый раз совершал паломничество к святым местам. Теперь с Генрихом мы лучшие друзья и довольно близкие родственники: совсем недавно мой сын и наследник Жоффруа женился на его дочери Матильде. Теперь вот ждем наших общих внуков, – похвастался Фульк. – Беспокоят меня собственные вассалы. И более всего один из них...

– Граф, – в комнату влетел рыцарь, – у нас под стенами замка стоит Гуго де Амбруаз, а с ним целое войско.

– Только хотел произнести его имя, а это исчадие ада уже подле моей постели, – более удивился, чем разозлился Фульк Анжуйский, и, наконец, обратился к рыцарю. – Надеюсь, успели убрать подъемный мост и закрыть ворота.

– Все сделали, – ответил рыцарь, – но, похоже, барон не собирается сегодня воевать.

– Что ж ему тогда нужно в моем замке?! – Если б Гуго де Амбруаз установил сейчас таран и принялся ломать замковые врата, Фульк удивился бы, пожалуй, меньше.

– Он не к тебе прибыл, а к великому магистру, – своим объяснением рыцарь едва не свел с ума своего сеньора.

– Я понял, в чем тут дело, – вмешался в разговор Гуго де Пейн. – По пути к тебе, граф, я встретил твоего вассала. Он с небольшим войском собирался в то время брать штурмом монашескую обитель. Мне пришлось объяснить достойному Амбруазу, что он поступает нехорошо и что добрые христиане находят лучшее применение для силы, полученной ими от Господа.

– И барон оставил в покое монастырь, чтобы обратиться против моего замка, – догадался граф Анжуйский.

– Да нет же, твой воинственный вассал пожелал отправиться на Святую землю, и до встречи с сарацинами не собирается вытаскивать свой меч из ножен. А с ним рыцари, которые пожелали совершить паломничество в Иерусалимское королевство, а заодно и повоевать с неверными. Прости, я назначил им сбор у замка Анжу.

– Уж если ты, Гуго, способен заставить это подобие сатаны служить Господу, то я со спокойной душой отправлюсь в Иерусалим, – наконец-то объявил о своем решении граф Анжуйский. – Только мне требуется гораздо больше времени, чем барону Амбруазу, чтобы закончить дела.

– Значит, встретимся в Иерусалиме, – подвел итог беседе Гуго де Пейн. – А чтобы Амбруаз и его люди тебя не смущали, я отведу их к побережью и посажу на корабли. Только одна просьба: надо бы их накормить и немного продуктов в дорогу не помешает. Я не вижу с ними обоза и опасаюсь, как бы сила моего убеждения не закончилась, как только их животы начнут прогибаться вовнутрь.

– Конечно, конечно, – засуетился граф, довольный, что так легко отделался от хлопотного вассала, и приказал накрыть для неожиданных гостей столы.

Корабли с вооруженными пилигримами, а также новыми членами ордена Храма и желавшими ему послужить гостями, периодически отправлялись из Марселя на Восток. Большинство их иерусалимский король встречал лично, настолько прибытие новой военной силы было важно для монарха. Обнимая французских, бургундских рыцарей, сходявших нетвердыми ногами с кораблей на Святую землю, Балдуин II мечтал уже не о спасении королевства, но о его расширении.

Дольше всех в марсельском порту снаряжали корабль, только что спущенный на воду – это можно было определить по стойкому запаху смолы и древесины, еще не успевшей утратить свой природный аромат. Корабль был великолепен, а его повышенная вместимость и высокие борта говорили о том, что судно предназначено для длительного плавания и способно переносить суровые шторма.

Грузился корабль весьма длительное время. Все необходимое снаряжение и продовольствие таскали сами моряки, и они словно все были глухонемые: любопытные зеваки так и не смогли добиться от морских волков ответа на волнующий вопрос: куда направляется сие судно. И только, когда желающие устроиться на этот корабль предлагали свои услуги, давался неизменный ответ: команда уже набрана.

Бочек с водой и вином было погружено невероятно огромное количество. Грузилось и обычное продовольствие, имевшее обыкновение не портиться на жарком солнце: вяленое мясо и рыба, зерно, горох, бобы, чеснок. Далее начались действия, сходные с экипировкой Ноева ковчега. На судно завели пару отчаянно упиравшихся коров, а за ними тащили утрамбованное в тюки сено. Занесли в огромных клетках несколько свиней и множество кур, а горластый петух сам объявил о своем присутствии. Были поселены на судне даже два красивейших охотничьих сокола, которые лишь презрительно покосились на кудахтавших рядом пернатых собратьев.

В один из весенних дней 1129 г. в марсельский порт прибыли Гуго де Пейн и Годфруа де Сент-Омер. Оба тамплиера поднялись на корабль, столь тщательно готовившийся к плаванию. Спустя два часа Великий магистр перешел с красавца-корабля на качавшееся рядом на волнах поросшее ракушками грузовое судно.

Тем временем прибывшие с Годфруа де Сент-Омером и Гуго де Пейном рыцари и их оруженосцы заняли места на плавучих посудидах. Почти одновременно оба корабля вышли в море. Они долго плыли борт к борту в сторону Африки – до тех пор, пока не скрылся из вида берег вместе с торговцами, ожидающими заморских товаров, моряками, ищущими место на кораблях и просто бездельниками, стремящимися разнообразить свою жизнь общением с людьми, выдавшими разные земли и страны. Теперь, когда оба корабля остались совершенно

одни на бесконечной морской глади, они повернули в противоположные друг другу стороны. Старенькое судно с Великим магистром на борту устремилось на восток – в направлении Святой земли, а красавец, на котором остался Годфруа де Сент-Омер, взял курс на запад – в сторону Геркулесовых столбов.

Неудачный свадебный подарок

Малочисленность христианского населения Иерусалимского королевства всегда являлось его великим недостатком. Но 2 июня 1129 г. храм Гроба Господнего был переполнен людьми. Тысячи и тысячи жителей и паломников не поместились в стенах святыни, но терпеливо молились у ее подножия на страшной жаре и ждали выхода виновников необычайной многочисленности народа.

И вот появившийся отряд рыцарей с помощью оруженосцев принялся создавать коридор от дверей храма до входа во дворец короля. То был верный знак, что произойдет событие, которого все терпеливо ждали. Из храма вышла чета, брачный союз которой только что освятил патриарх иерусалимский.

Супруг – немало поживший на этом свете – шел с гордо поднятой головой, как и положено графу Анжуйскому. Глаза его столь высоко были вознесены, что, если б на дороге оказалось небольшое препятствие, он, несомненно, грохнулся бы оземь. По большому счету, гордыня тридцатисемилетнего «молодого» сегодня возросла до таких размеров, что закрыла собой все другие его чувства. Опираясь на кажущуюся надежной руку крепко скроенного суженого, шествовала иерусалимская принцесса; глаза ее светились счастьем, и, казалось, им Мелисенда желала поделиться с каждым из жителей ее королевства и с многочисленными западными паломниками. Что ж... Причина для радости у Мелисенды была. Слишком долго выбирался супруг для двадцативосьмилетней принцессы; тщательные поиски достойного претендента грозили никогда не закончиться... и вот, наконец, свершилось. И вдруг печать счастья с лица Мелисенды исчезла, словно ее унес порыв внезапного ветерка. Но не ветер был виною...

Ее взгляд упал на стоящего в толпе графа Яффы Гуго де Пюизе. Высокий стройный черноволосый красавец в мгновение ока затмил приземистого рыжеволосого графа Анжуйского. Мелисенда ощутила на себе влюбленный взгляд прекрасных глаз, одновременно готовых разразиться слезами от несправедливости судьбы. Королева еле заметно кивнула головой, словно даря обещания; это движение осталось незаметным для многотысячной толпы. Проще говоря, и движения никакого не было, это душа Мелисенды потянулась к графу де Пюизе. Последний узрел обнадеживающее движение любимой души, и ответил своей великолепной улыбкой.

Они познакомились в свою юную пору. Молодой Гуго де Пюизе прибыл в Иерусалим, когда его отец – граф Яффы умер. Он оставался при дворе Балдуина до собственного совершеннолетия. За это время молодой граф и принцесса Мелисенда, которая была на два года старше его, успели полюбить друг друга. Непозволительные чувства молодых (к тому же Гуго де Пюизе был троюродным братом Мелисенды) не ускользнули от наблюдательного Балдуина. Король позвал юношу к себе и долго объяснял, что между ним и принцессой никогда ничего общего быть не может. Благородный молодой человек пообещал не докучать своим вниманием Мелисенду, и как только ему исполнилось восемнадцать лет, вступил во владение отцовским леном. На прощание Балдуин попросил своего вассала как можно скорее жениться. И послушный юноша исполнил это пожелание короля с необычным рвением. По прибытии в Яффу он взял в жены племянницу иерусалимского патриарха и одновременно богатую вдову Евстахия де Гранье. (Прежний муж Эммы был одним из самых влиятельных баронов Святой земли и занимал высший военный пост – коннетабля Иерусалимского королевства.) Партию можно было бы признать хорошей, если закрыть глаза на то, что избранница Гуго де Пюизе имела двух сыновей – почти одного возраста с мужем.

Вернемся к свадьбе нынешней...

Вот Мелисенда прошла мимо мужчины своей мечты и снова надела на себя маску необыкновенно счастливой невесты.

Очарованный народ стал напирать на стороживших проход рыцарей; те, несмотря на тяжесть вооружения, не могли устоять; и не могли они применить оружие на пороге храма, тем более, в столь знаменательный момент. Свободное пространство, оставленное для супружеской пары, катастрофически уменьшалось. Счастливые граждане Иерусалима и гости, вот-вот, помимо своей воли, готовились раздавить обожаемую принцессу и ее жениха. Положение спасли герольды иерусалимского короля и графа Анжуйского: они принялись сыпать в толпу горсти серебряных монет, среди которых попадались и отчеканенные из полновесного золота. И в следующий миг радостные крики «Золото! У меня золото!» расчистили дорогу великолепной паре гораздо скорее, чем это смогли бы сделать лучшие рыцари Востока и Запада.

А далее был пир в королевском дворце. Хотя на нем присутствовали только бароны и рыцари, получившие свои титулы и рыцарские шпоры не сегодня и не вчера, зал был настолько переполнен, что некоторые, среди всеобщего веселья, от недостатка воздуха начали зевать. Заметив досадные движения знатных ладоней к не менее знатным ртам, Балдуин приказал раскрыть все двери дворца. Приятный сквозняк немного взбодрил гостей.

– Молодых положено на свадьбе одаривать, – поднялся с наполненной чашей иерусалимский король. – Мой главный подарок вы получите не сейчас и совсем не в радостный день.

В огромном зале воцарилась полная тишина. Гости понимали, что король не закончил речь. Балдуин на некоторое время затянул паузу, и вот, когда терпение баронов начало сдавать, произнес:

– Объявляю графа Фулька и принцессу Мелисенду моими преемниками на иерусалимском троне.

– Живи сто лет, отец! Пью за твое здоровье! – Граф приник губами к наполненной вином огромной чаше. Фульк долго пил под одобрительные возгласы пирующих, и не прекратил этого занятия до тех пор, пока чаша не повернулась в его руке кверху дном. В таком положении Фульк продолжал держать чашу, чтобы гости убедились, что из нее не выпало и капли, а значит, он добросовестно выпил за здоровье тестя.

Поздравляющие голоса разделились. Анжуйские рыцари принялись кричать здравицы в честь своего графа; поскольку Фульк высадился в Палестине во главе ста рыцарей, то и тосты в его честь были слышны даже за пределами столицы королевства. Иерусалимские бароны, вслед за Фульком, желали Балдуину здравствовать многие лета, не сильно волнуясь о том, что такое пожелание может не понравиться жениху. В конце концов, все утонуло в громком шуме, и гости уже не могли расслышать слова сидящих рядом. Вино текло не только в рот, но и по одежде присутствующих, по столу и под ним.

Герольд узрел, что король желает ответить зятю, и протрубил в рог. Только это и заставило замолчать гостей.

– Мы знаем, граф, что у тебя было много владений на Западе, но все земли ты передал своему сыну Жоффруа. Ты оставил все, чтобы посвятить себя служению Святой земле. У меня, дорогой Фульк, не столь большие владения, чтобы достойно одарить тебя, но скромный лен на первое время я хочу поднести... – продолжил говорить король.

Внезапно Фульк перебил его:

– Отец, позволь мне самому выбрать подарок.

Балдуин не ожидал такой наглости от человека, несколько часов назад ставшего его зятем. Король оказался в некоем тупике, и смог только произнести:

– Что ж... назови его.

– Дамаск!

– Дамаск? – удивился король. – Но он не принадлежит мне.

– Значит, будет принадлежать, – заверил Фульк. – Разве этот город – не главная угроза королевству? Разве ты уже не пытался овладеть им? Теперь, когда из Франции прибыло много

славных воинов, когда множество паломников пришли в Иерусалим не только с крестом, но и с мечом – самое время завершить дело с Дамаском.

– На Дамаск! Дамаск завоюем для графа! – кричали анжуйские рыцари.

В этот раз с ними были единодушны иерусалимские бароны, недавнее поражение под стенами этого города мешало им спать спокойно; их честь требовала: позор должен быть смыт кровью неверных на улицах Дамаска.

Король, внимательно выслушавший крики своих вассалов и гостей, произнес следующее:

– Хорошо, дорогой граф, возьми то, что просил, – и добавил: – Если Господу будет угодно. Только одно условие: не начинай никаких действий без моего на то разрешения.

– Разве я могу не подчиниться королю и отцу моей супруги?! – склонил в почтении голову граф. Впрочем, выражение его лица настолько было самодовольным, словно Дамаск уже отняли у сарацин, да и вообще пол-Азии оказалось в его власти.

После свадьбы Фульк часто заводил разговор с королем о подарке, который надо было завоевать, но Балдуин всегда пресекал его нетерпеливостью традиционным пояснением: «Еще не настало время».

Дамаск был одним из древнейших городов мира. По утверждению арабского историка, первой стеной, сооруженной после Всемирного потопа, была Дамасская стена. Мысль захватить этот великолепный город приходила в голову не только Фульку Анжуйскому. В 1124 г. король Балдуин, пользуясь тем, что Сирия была разделена на многие, часто враждебные друг другу эмираты, повел наступление на мусульман.

Первым подвергся нападению еще один известный город с длиннейшим на этой планете историческим путем. В мае франки обложили седой Тир со всех сторон. С трудом из города вырывались гонцы и скакали в Египет с мольбой о помощи. Но ее не пришло ни в каком виде. Тем временем в осажденном городе подходили к концу запасы продовольствия. В июне правитель Тира был вынужден принять условия капитуляции франков: каждый житель мог покинуть город с оружием и имуществом – забрать разрешалось ровно столько, сколько каждый мог унести.

Ободренные удачей франки обложили крупный сирийский город – Алеппо. Вначале все шло как с Тиром: у осажденных мусульман закончилось продовольствие, и катастрофа неумолимо приближалась. Но тут на помощь Алеппо пришел эмир Мосула с огромным войском. Крестоносцы не выдержали натиска свежих сил и побежали. До самой Антиохии сарацины преследовали армию иерусалимского короля; все отставшие уничтожались либо попадали в плен, потому что негде было укрыться.

В следующем, 1125 г. Балдуин предпринял поход на Дамаск. Его войско опустошало подвластные дамасскому эмиру земли, когда навстречу выступила мусульманская армия. Она была огромной по численности: на этот раз призыв правителя Дамаска был услышан, к нему присоединились воинские отряды и неопытные ополченцы из жителей соседних городов, с гор спустились разбойничьи банды, известные своей дерзостью и бесстрашием.

Сарацины, обозрев свои бесчисленные ряды и маленькое войско христиан, настолько уверились в своей победе, что начали ее праздновать до начала битвы. Первыми в атаку пошли две тысячи туркменских всадников – опытных и смелых воинов, считавших войну с христианами священной.

Они ударили во фланги христиан и опрокинули их. Не знающие страха туркмены и стоявшее за ними огромное войско поселили среди франков панический ужас. Все христиане помышляли только об отступлении, а иные о бегстве. На марше отряд туркмен захватил обоз франков, в том числе их походную церковь. И тогда вся сарацинская армия бросилась на христиан, надеясь, по примеру туркмен, овладеть богатой добычей.

Но потеря обоза сильно разозлила франков; тем более, они попали в безвыходное положение: тяжеловооруженные рыцари не могли убежать от легкой мусульманской конницы. Цвет тяжелой франкской конницы собирался в единый кулак, пока сарацины грабили остатки обоза и гонялись за кнехтами. И вот благородные бароны и рыцари построились и нанесли свой, красивый и ужасный для противника, знаменитый удар. В один миг мусульманская конница была сметена, словно ее и не существовало. А рыцари, гремя железом и сверкая на солнце начищенным металлом, уничтожили вражескую пехоту, оказавшуюся на их пути, и понеслись дальше, громя бегущих перед собой воинов.

Франки преследовали врага до самого Дамаска. И тут они остановились. Лошади крестоносцев едва дышали под тяжестью седоков после бешеной скачки. Мусульмане также не могли продолжать битву, так как их многочисленные уцелевшие силы разбежались по всей округе в страхе перед блистательной рыцарской атакой.

Правитель Дамаска отложил бой с франками на утро следующего дня. А когда оно настало, сарацины нашли лагерь крестоносцев пустым. Дамаск остался за мусульманами, а с Балдуином продолжила жить надежда – его взять.

И во время пира король столь скоро согласился отдать зятю Дамаск отнюдь не по причине легкомыслия, а потому что он давно и планомерно подбирался к этой жемчужине Востока. Как ни удивительно, иерусалимскому королю удалось заключить тайный союз с исмаилитами; их называли еще ассасинами. Фанатики, о которых на Востоке ходили жуткие легенды, обязались доставить прямо в руки Балдуина Дамаск, а взамен хотели город Тир.

Секта профессиональных убийц вскоре опутала паутиной весь Дамаск. На сторону ассасинов перешел визирь Абу Али Тахир, они заняли ответственные в городе посты, устраняя предшественников своими излюбленными способами. В полном их распоряжении оказалась крепость Баниас на границе с Иерусалимским королевством. Внезапно умирает эмир Дамаска. И вот исмаилитам осталось лишь объявить Дамаск своим. Балдуин уже начал готовить Тир к обмену, как заговор был раскрыт. Сын почившего эмира внезапно перебил в Дамаске всех исмаилитов. Конец людей, готовивших гибель Дамаску, был ужасен, судя по описанию арабского автора:

«...городское ополчение Дамаска вместе с толпой черни обнажило сабли и кинжалы и предало смерти всех батинитов и их последователей, которые попались им в руки, а также всех, кто был с ними как-либо связан. Они находили их в их домах, выволакивали оттуда, разрубали на части саблями или закалывали кинжалами и бросали их тела на мусорные кучи, как падаль. Многие из их числа, кто пытался укрыться в богатых кварталах, надеясь найти там спасение и покровительство, были насильно схвачены, и их кровь была пролита без оглядки на последствия. На следующее утро кварталы и улицы города были очищены от батинитов, а собаки выли и дрались над их трупами и отрубленными конечностями». Один вольноотпущенник, которого признали первопричиной всех несчастий и зла в Дамаске, получил «ужасное наказание, которое успокоило сердца многих правоверных». Его вместе с несколькими членами секты распяли на городской стене Дамаска, так что казненные далеко были видны: как из города, так и с внешней стороны стен.

Уцелели только те исмаилиты, что захватили Баниас; они передали крепость франкам и убрались в свое логово – неприступный замок Аламут. В эти дни Балдуин пожалел о некоторых своих словах, вырвавшихся на свадебном пиру. Он не мог, по крайней мере, не попытаться исполнить обещание, потому что король, который не держит данного слова, теряет уважение подданных. Пришлось в очередной раз вступать в борьбу за Дамаск и начинать очередную эпопею с чистого листа.

Настала осень 1129 г. Однажды в келью Великого магистра ордена Храма вошел Балдуин. Гуго де Пейну можно было бы обрадоваться визиту высочайшей особы, но он лишь насто-

рожился, несмотря на свою искреннюю приветливую улыбку. Появление короля говорило об одном: властителю Иерусалима нужно от магистра что-то действительно очень важное; в иных случаях он вызывал магистра к себе во дворец.

Но вежливости никто не отменял, и Гуго де Пейн постарался встретить друга с тем радушием, с каким всегда его принимал. Так как знак вопроса не исчезал с лица Великого магистра, то король решил начать с главного:

– Гуго, ты помнишь, на свадьбе Мелисенды я пообещал зятю Дамаск.

– Помню, но, признаться, надеялся, что разгоряченное вином воображение остыло и ошибка четырехлетней давности, стоившая нам немало доблестных рыцарей, не повторится, – разочарованно промолвил Гуго де Пейн. – И ведь прошло несколько месяцев с момента, когда за пиршественным столом прозвучало слово «Дамаск». Я начал забывать о том злосчастном разговоре во время свадебного торжества...

– Увы! Ни я, ни мой зять не забывали о нем ни на мгновение. Дамаск действительно представляет огромную угрозу для приморской полосы земли, именуемой Иерусалимским королевством. Ничего не стоит эмиру Дамаска перерезать тонкую нить, соединяющую наши земли в Палестине, а то и, в союзе с соседями, опрокинуть нас в море. Признаюсь, я надеялся овладеть Дамаском не столько с помощью войска, сколько хитростью. Но ничего не получилось.

– С соседями нужно жить в мире. Ведь ты понимаешь, король, что мусульманские земли необъятны и бескрайни, и бесполезно пытаться их завоевать. Мир – он всегда был разным. Его хотели покорить целиком не менее великие, чем ты, военачальники: Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, да и наш король, Карл Великий, имел такую надежду...

– Гуго, я веду речь всего только о Дамаске, обладание которым существенно обезопасит наше королевство. Этот величайший город Азии может и должен стать нашим сейчас, когда силы сарацин разобщены, когда сунниты ненавидят шиитов, не менее чем христиан, когда каждый значимый их город имеет своего эмира, никому не подвластного.

– Я не буду с тобой спорить, Балдуин, потому что король всегда прав. В конце концов, ответственность за королевство лежит на тебе, – сдался Великий магистр.

– Твое мнение мной услышано, и я благодарен за честность. – Балдуин также не имел намерений продолжать спор. – Видишь ли, дорогой друг, нет смысла даже рассуждать о целесообразности или нежелательности похода на Дамаск. Я дал обещание зятю пред лучшими баронами королевства и многими именитыми гостями Запада. Теперь я не имею права от него отказаться.

– Тем более наша беседа не имеет смысла. – Магистр надеялся закончить неудобную тему, махнув рукой на Дамаск с мыслью: «Делай, что пожелаешь». Однако пьяный каприз Фулька Анжуйского многомесячной давности продолжал доставать Гуго де Пейна.

– Я хотел попросить тебя о помощи, – глядя в глаза другу, как можно мягче произнес король.

– Какой именно помощи ты желаешь? – насторожился Гуго де Пейн, подозревая, что просьба будет связана с тем же злосчастным Дамаском.

– Мне очень нужно видеть тамплиеров в войске, идущем на Дамаск.

– Но орден рыцарей Храма создан только для того, чтобы защищать пилигримов и дороги, по которым они идут в Иерусалим! – невольно возвысил голос Гуго де Пейн.

– Так было до твоей поездки на Запад. А сейчас благодаря ей ты имеешь войско, сопоставимое с армией иерусалимского короля. Прибывшие на Святую землю тамплиеры жаждут подвигов во славу Господа. Ведь так?

– Но дело ли монашеское: завоевывать чужие земли? – мягко возразил другу магистр.

– Подумай, Гуго, речь идет о Дамаске, с которого начал свои проповеди апостол Павел, который привел в лоно церкви множество языческих народов. Как только Дамаск окажется в наших руках, ты будешь водить дорогой святого Павла множество паломников. – Балдуин

вовремя вспомнил, с каким благоговением де Пейн рассказывал о посещении церкви Святого Павла в Тарсе, а потом о необычном видении в пути.

Не сказать, что доводы короля убедили Великого магистра. Но... Гуго де Пейн помнил, как он, потративший все деньги на дорогу к Святой земле, с такими же нищими собратьями появился в Иерусалиме и был принят королем, получил от него кров и средства для жизни. Именно Балдуину орден обязан сегодняшней силой и могуществом. Причем король никогда не напоминал о своих великих благодеяниях.

– Госпитальеры согласились присоединиться к моему войску, – между прочим, промолвил Балдуин.

– Хорошо, ты увидишь тамплиеров в своих рядах, – из чувства благодарности сдался Гуго де Пейн.

– Спасибо, друг, я знал, что могу рассчитывать на твоих воинов.

Лишь только ушел король, Великий магистр взял ключ, отпер сундук и бережно достал из него хитон Спасителя. Тамплиер положил святыню на стол, встал на колени, попросил у Господа, по примеру царя Соломона, мудрости и принялся молиться. Гуго де Пейн столь сильно тянулся к Господу, что, казалось, покинул этот мир. Он не услышал, как несколько раз – сначала несильно, потом громче – стучали в дверь, как она распахнулась, и на пороге появился друг-иудей.

Понтию не то чтобы надоело ждать разрешения войти, либо запрета на это действие, он начал подозревать, что с магистром случилось что-то неладное. Застав друга за разговором с Богом, Понтий успокоился и встал на колени рядом. Едва он мысленно проговорил «Отче наш», как магистр перекрестился, бережно поднес к губам край хитона и только теперь заметил, что он не один в келье. Однако теперь уже Гуго де Пейн не стал тревожить Понтия, пока тот не отдал должное хитону, который тысячу лет берегли его предки.

– Замечательно, что ты пришел, – обрадовался магистр. – Я только что дал согласие участвовать в деле, которое мне совершенно не по душе. Хотелось бы услышать твое мнение.

– Как-то слишком поздно давать советы в поступке, который, судя по твоему предисловию, уже свершился.

– Все верно, – согласился де Пейн, – но боюсь, это лишь начало. Все будет повторяться, если, конечно, первое дело для меня не станет последним.

– Я буду благодарен, почтенный Гуго, если ты будешь выражать свои мысли более понятно. По крайней мере, попробуй начать свой рассказ сначала, – попросил друга Понтий.

– Иерусалимский король настойчиво попросил, чтобы мои тамплиеры присоединились к христианскому войску в походе на Дамаск.

– Значит, король решил исполнить обещание, данное зятю на пиру, – пришел к выводу Понтий. – Печально, печально... Особенно сейчас, когда у нас с Дамаском мир. Впрочем, этого и следовало ожидать.

– Понятно. Значит и ты против этой войны?

– Конечно. Уже три десятка лет минуло, как христиане пришли в Палестину. И все это время льется кровь. Франки и мусульмане безжалостно истребляют друг друга. Иной раз мне кажется, что Святая земля превратилась в некое чудовище, непрерывно пожирающее людей. Все новые и новые пилигримы прибывают сюда, чтобы принять участие в войне с неверными; а из внутренних мусульманских областей подтягиваются новые поколения сарацинов, чтобы противостоять христианам. Да разве этому учил Иисус?!

– Но ведь невозможно, чтобы ошибались все: Петр Пустынник и Бернард Клервоский, епископы и простые священники, бароны и короли? – только и смог спросить Гуго де Пейн.

– Чаше всего такое и возможно, – с горечью произнес Понтий. – Подумай сам, Гуго, если бы не ошибались все, разве Иисус оказался бы на кресте?

– Но я не могу не помочь королю. Он мой друг, без него не существовало бы ордена. Я ему обязан всем.

– Тоже верно, – согласился Понтий. – Вот потому я и не могу дать тебе совета.

Гуго де Пейн устремил задумчивый взор на хитон Всевышнего.

– Господь, боюсь, не одобрит затею короля с Дамаском.

– И я думаю, что дело это не богоугодное, – опять разделил мнение магистра иудей. – Но хитон обязательно возьми с собой.

– Зачем?! Если мы с тобой единого мнения, что Господь не поможет нам завоевать Дамаск.

– Возможно, ты получишь Его совет в другом вопросе. Господь всегда окажет помощь, если верить и уметь ждать. Тебе, Гуго, необходимо часто советоваться с Богом, потому что в твоём подчинении много людей. И если ты их пошлешь на дело, не угодное Господу, большой грех падет на твою душу, и много людей может пострадать.

– Спасибо, Понтий!

– За что же? Я ничем тебе не помог.

– За то, что есть с кем поговорить. Плохо, что мы редко встречаемся. Слишком много стало вокруг меня людей, они отнимают все мое время. Но меня преследует странное ощущение: чем больше я занят делами ордена, его людьми и заботами, тем больше чувствую себя одиноким. И особенно, когда рядом нет тебя. У всех иные мысли и желания... чужие мне...

Иерусалимский король умел убеждать: к нему присоединились отряды из всех христианских государств Востока, а именно: из Триполи, Эдессы и Антиохии. Из Иерусалима вышла армия численностью в двадцать тысяч воинов.

Жаркое палестинское солнце в прежние походы доставляло немало неприятностей одетым в броню рыцарям. Но... В ноябре 1129 г. оно было уже неярким, и войско иерусалимского короля бодро шло в сторону Дамаска. Казалось, Балдуин учел даже особенности здешнего климата. Однако в это время года погода редко бывает комфортной во всех отношениях; избежав жары, можно подвергнуться действию более неприятной напасти. За три перехода до Дамаска на землю обрушился проливной дождь.

Укрыться было негде, и войско продолжало упрямо брести в сторону заветного города. Лошади первыми стали выдыхаться, их ноги утопали в сплошной полосе грязи, в которую превратилась дорога. Всадники спешили, чтобы облегчить участь животных. Вскоре уже рыцари едва переставляли ноги. Наконец небо смиростивилось: ближе к вечеру дождь прекратился и даже выглянуло скупое осеннее солнце, успевшее слегка просушить промокшие одежды воинов. Но согреть их у ноябрьского солнца не хватило ни сил, ни времени.

На привал в тот день расположились раньше обычного, потому что закончились силы у людей и лошадей, даже любимый сокол короля отказался лететь за добычей.

Как все, Великий магистр упал на сырую землю. Спустя немного времени, холод сковал все его члены. Воины пошли собирать хворост для костров. Кнехты услужливо сложили кучу дров вблизи дрожавшего магистра. С первыми искрами разожженного костра тело Гуго де Пейна успокоилось, дрожи как и не бывало. Прошло слишком мало времени, чтобы огонь мог произвести подобное действие, а потому необычное спокойствие магистра возбудило тревожные подозрения. Кнехты склонились над своим, давно уже немолодым, военачальником; их опасения оказались напрасными, дыхание магистра было ровным и спокойным.

В то время, когда языки огня начали лизать дрова, Гуго де Пейн увидел свой яркий свет на небесах. Нечто светящееся спускалось все ниже и ниже, приближаясь к магистру, блуждавшему в собственном сне, пока не превратилось в маленького мужчину с плешью и черной бородой. От этого тощего человека дышало великой силой...

Магистр сразу узнал видение и радостно воскликнул:

– Святой Павел!

– Зачем ты здесь, Гуго? – грустно спросил внезапно возникший человек.

– Я иду по твоим следам.

– Несчастный, ты идешь туда, куда идти не следует.

– Как может быть такое? Ведь твой путь из Иерусалима лежал в Дамаск?

– Да. И на этом месте, где ты сейчас лежишь, на меня упал великий свет неба, и я ослеп. А потом услышал голос: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» А я не мог ничего видеть и только спросил: «Кто Ты, Господи?» Господь же сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь... встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать».

– Ты счастливый Павел! Тебя направил Господь... а я долго просил перед походом совета у Него...

– Да как ты смеешь так говорить, когда слово Божие отныне известно каждому? Оно лежит в кельях рыцарей Храма. Ведь так? Ты же читал о моем разговоре с Господом?

– Конечно. Много раз, – согласился Гуго де Пейн.

– Вот видишь! А я шел во мраке, пока свет Господа не озарил мне путь. Ты ведь знаешь, что я сторожил одежды тех разгоряченных людей, которые убивали камнями святого человека – епископа Стефана. Тогда я был уверен, что жестокие люди поступают правильно, и мысленно я вместе с ними бросал камни. Господь простил, Он избрал меня, чтобы принести в мир Его слово.

– Слишком все сложно в этом мире... – сокрушаясь, промолвил магистр, и попросил: – Помоги, святой Павел!

– Каждый должен найти свой путь к Богу, каждый должен сам исполнить Его волю. Мне нужно уходить, Господь будет недоволен...

Видение исчезло, оставивши Великого магистра наедине с множеством вопросов, которые рыцарь Храма не успел произнести. Некоторое время он пытался разобраться с ними во сне, но и это занятие прервалось по независимой от тамплиера причине. Гуго де Пейн открыл глаза оттого, что кто-то вежливо, но настойчиво толкал его в плечо. Магистр увидел, что будит его оруженосец, но не смог на него разозлиться, потому что в трех шагах стоял иерусалимский король.

– Как ты можешь спать в грязи, на жутком холоде? – удивился король. – Почему слуги не позаботились о твоём отдыхе?

– Видно, так было угодно, чтобы я обрел сон в этом месте, и слуги не посмели потревожить мой покой, – признался де Пейн.

В иное время Балдуина заинтересовало бы это странное объяснение, но теперь было время отнюдь не решения загадок и объяснения странностей.

– В окрестностях появились туркмены. Пока их немного, но ждать нападений следует в скором времени. Тамплиеры имеют большой опыт сопровождения пилигримов. Хочу, Гуго, попросить, чтобы ты занялся защитой нашей колонны от внезапных нападений, – поделился своими волнениями король.

– Хорошо, я сделаю, все, что смогу.

Тамплиеры привычно рассредоточились по всей колонне. Самый большой отряд рыцарей с тяжелым вооружением занял место во главе ее. Другой отряд ушел в арьергард. Слева и справа по ходу движения в пустыню отправились одинокие всадники и небольшие группы воинов на резвых арабских скакунах в облегченных доспехах. Одни возвращались, принося сведения магистру, который находился в центре колонны, другие скакали им на смену в неизвестность.

Едва тамплиеры заняли отведенные Великим магистром места, как сарацинские отряды начали кружиться вокруг устало бредущей армии Балдуина. Хвост колонны обычно был самым уязвимым местом; чаще всего подвергались уничтожению отставшие и обессиленные воины.

На сей раз летучие туркменские всадники получили достойный отпор от арьергарда тамплиеров. Тогда враги сменили тактику: нападению подверглись всадники, отправленные в разведку; на огромном пространстве началась облавная охота, только на месте дичи оказались воины ордена Храма – они и понесли первые потери в этом походе.

Все медленнее и медленнее продвигалась вперед армия франков, наконец, в шести милях юго-западнее Дамаска она остановилась лагерем. Ей требовался отдых; а еще король проверил обоз и с ужасом обнаружил, что на исходе продовольствие.

На следующее утро равнина перед христианским лагерем заполнилась вооруженными людьми: здесь собрались туркмены и арабы, войско дамасского эмира и городское ополчение. Враги построились для боя и рассчитывали, что франки поступят так же. Но ни один рыцарь, ни один пеший воин не покинул лагеря, никто не ответил оскорбительно на вызовы сарацин. Несколько дней мусульмане оставались на своих позициях, пока не выяснили причину нерешительности франков. Оказалось, в одну из ночей Балдуин направил запастись продовольствием и зерном в окрестных деревнях отряд самых храбрых рыцарей и самых здоровых пехотинцев с мулами. Теперь франки ожидали добычу, призванную вернуть их силы и недавнюю решимость взять Дамаск.

Лучшие мусульманские воины выступили на поиск фуражиров врага. Долго искать не пришлось, ограбленные крестьяне с радостью подсказывали путь отряда франков. Последние были настигнуты на привале; многие погибли от стрел, не успев вскочить на коня. Но выжившие не растерялись и под градом стрел принялись строиться в боевую фалангу. Франки сомкнули щиты, и теперь их тела стали недоступными для мусульманских стрел.

Сарацины бросились в атаку на сомкнутый строй, но франки отбили атаку. Мусульман было в несколько раз больше. Несмотря на потери, они продолжали свои нападения; уставшие части сменялись свежими – еще не бывшими в бою. Неумолимо приближался момент, когда у франков иссякнут силы, падали духом даже бесстрашные воины; все чаще дрожащая рука опускала меч и ее хозяин обреченно ждал смертельный удар. Предводитель отряда – храбрый констебль Гийом де Бюре – с несколькими рыцарями – пробился сквозь ряды сарацин и перебил всех, кто попытался его преследовать. Но участь отряда после бегства констебля была решена весьма скоро. Мусульмане, почти не встречая сопротивления, крошили франков всеми видами оружия: мечами и саблями, пиками и стрелами. До конца дня все христиане лежали поверженные на земле, присыпанные пылью, поднятой копытами множества мусульманских лошадей.

Сарацинам достались великолепные трофеи: лошади франков, оружие, включая рыцарские доспехи, пленные и бесчисленное количество мулов, нагруженных провиантом. Весь Дамаск радовался, когда вернулось из успешного набега войско, отягощенное знатными трофеями. На франков ликование врагов подействовало удручающе, хотя они еще надеялись отомстить за разгром своих товарищей.

И тут против христиан восстало небо и обрушило на их головы ливневые дожди. Почва под ногами превратилась в сплошное месиво. Хуже всего, что знаменитая тяжелая конница франков стала не только бесполезной, но и обузой войска. Лошади под тяжестью седоков утонули в грязи; они либо стояли, не в состоянии сделать шага, либо падали наземь, когда пытались сдвинуться с места.

Граф Анжуйский был в ярости, которая периодически сменялась растерянностью; он не хотел верить, что его мечта осталась недостижимой. Фульк вопреки совету короля ночью отправился на вылазку во главе своих анжуйских рыцарей. Ему удалось обойти самые болотистые места и ворваться в лагерь мусульман. Но довольно скоро отряд графа получил отпор: свалился с коня один рыцарь, безвольно сполз второй, багром стащили третьего; гораздо труднее пришлось пешим воинам – они гибли десятками. Наконец Фульк Анжуйский, раненный стрелой в левую руку, повернул коня в сторону лагеря франков.

– Еще одна такая вылазка и я лишусь зятя раньше, чем дождусь от него внуков, – произнес король, осматривая израненное поредевшее анжуйское войско.

5 декабря 1129 г. Балдуин отдал приказ об отступлении, которое в глубокой тайне, во мраке ночи, было проведено блестяще (если последнее слово сочетается со словом бегство).

Утром сильный отряд мусульман подошел к лагерю христиан, в нем везде пылали костры. Осторожность врага оказалась излишней: людей в лагере не оказалось. В кострах догорали осадные машины, с помощью которых франки собирались штурмовать Дамаск, различное снаряжение и оружие: все это было невозможно вывезти, так как войско Балдуина потеряло выючных животных. Христиане выступили ночью и в спешке не смогли уничтожить все действительно ценное, а потому мусульмане обзавелись новыми трофеями. Ускользнув от врага, далеко не все в войске Балдуина могли выдержать темп, позволявший дальнейший бескровный отход.

Тамплиеры во главе с Гуго де Пейном заняли свое место в арьергарде. Войско короля настолько быстро отступало от Дамаска, что, не вступая в битву, несло потери каждое мгновение. Сзади оставалось множество еле бредущих воинов. При всем желании тамплиеры не могли на своих плечах вынести из Сирии всех, кто даже о себе не имел желания и сил заботиться. С болью в сердце тамплиеры оставляли на дороге упавших христиан и с трудом отбивались от наседавших сарацин.

Среди всеобщего крушения надежд и жизней Гуго де Пейн увидел место, где встретил во сне святого Павла.

– Привал! –скомандовал магистр, не обращая внимания на туркмен, следовавших по пятам.

Как только тамплиеры остановились, он велел привести к нему пленных сарацин; их набралось около двух десятков.

– Я дарую вам свободу, – обратился де Пейн к пленным. – Передайте братьям, что я желаю мира и предлагаю разойтись по своим землям. Довольно терзать друг друга!

Поступок Великого магистра не поняли даже братья-тамплиеры. «Зачем он увеличил число врагов на два десятка и ничего не потребовал взамен – даже выкупа или пленных христиан?» – говорили воины с красным крестом на плаще. Однако в итоге получилось, что они только избавились от обузы в нелегком пути. (Пленные шли весьма неохотно, и даже свист кнута не оказывал на них должного действия.) Теперь их обступили со всех сторон мусульмане. После недолгого обсуждения все – и бывшие пленные и авангард мусульман – исчезли с поля зрения франков.

Великий магистр, как ни в чем ни бывало, улегся на том же месте, что и в прошлый раз. Сон не заставил себя ждать.

– Ох, бедный христианин, – укоризненно покачал головой появившийся не то на земле, не то в воздухе, тощий лысоватый человек, – и зачем ты собираешь мои ошибки?

– К сожалению, твои ошибки я только и могу повторить, – согласился де Пейн.

– Рад, что ты признал их, – обрадовался святой Павел. – А теперь скажи, чего у меня не было в руках, когда я шел на Дамаск, и что есть у тебя?

Гуго де Пейн посмотрел на свои руки: правая сжимала рукоять меча, и ответ пришел сам по себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.